

СЕРГЕЙ ЛИСОВ

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС ПО СТАРОЙ УЛИЦЕ

Сергей Лисов

Последний рейс по Старой улице

«Автор»

2026

Лисов С.

Последний рейс по Старой улице / С. Лисов — «Автор», 2026

Пять лет назад наводнение почти стёрло Старую улицу с карты Липового Перевала. Люди вернулись в уцелевшие дома, дети снова ходят в школу, но для городских бумаг тридцати семи адресов будто не существует. Когда аварийный мост закрывают для школьного автобуса, водитель Михаил Руднев оказывается перед простым и жестоким выбором: нарушить запрет, бросить детей или найти дорогу, которой пока нет. Его временное решение меняет утро всей улицы. Соседям приходится не только помогать друг другу, но и честно делить работу, риск и право голоса. А самому Михаилу — признать, что быть нужным не то же самое, что жить собственной жизнью. «Последний рейс по Старой улице» — тёплый и сдержанный роман о городе после беды, ответственности без подвига и людях, которые добиваются права быть видимыми, не назначая одного человека своим спасителем.

© Лисов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Последний рейс	6
Глава 2. Пятнадцать минут пешком	16
Глава 3. Автобус по ту сторону	26
Глава 4. Улица просыпается раньше	33
Глава 5. Строго по схеме	41
Глава 6. Дома, которых нет	49
Глава 7. Дочь зовёт вниз	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Лисов

Последний рейс по Старой улице

От автора

После большой воды город быстро получает новые линии на плане: опасно, закрыто, под снос, восстановлено. Медленнее меняется жизнь людей. Автобус всё равно должен приехать утром, ребёнку нужно дойти до школы, пожилому соседу — попасть в поликлинику, а чужая помощь не может бесконечно держаться на двух-трёх самых совестливых людях.

Этот роман — о решении, которое кажется маленьким: где остановить школьный автобус. Вокруг него вырастают вопросы о вине, безопасности, доме и праве уехать. Здесь нет человека, способного один исправить улицу. Есть водитель, жители, чиновник, взрослые дети и соседи, которым приходится отличать заботу от самопожертвования, а инструкцию — от равнодушия.

Липовый Перевал и его жители вымышлены. Дорожные и строительные решения в книге служат сюжету и не заменяют работу инженеров, спасателей и органов местного управления в реальной ситуации.

Глава 1. Последний рейс

На Старую улицу Михаил сворачивал в семь двадцать три, если переезд у лесопилки был открыт и Тамара Егоровна не выпускала коз прямо перед автобусом. За четырнадцать лет маршрут успел поменять номер, цвет таблички и троих диспетчеров, но этот поворот оставался прежним: сперва серый камень с выцветшей стрелкой «Центр», потом одинокая липа, расщеплённая молнией, и сразу за ней дорога уходила вниз, к реке.

В то утро дождь висел в воздухе мелкой пылью. Дворники размазывали по стеклу воду и рыжую глину, которую колёса встречных машин поднимали с обочины. Михаил сбросил скорость до двадцати, включил ближний свет и привычно посмотрел в зеркало. На переднем сиденье Костя Карпов держал на коленях картонную модель вулкана. Серый конус был завернут в пакет, но красная бумажная лава всё равно выглядывала наружу. За ним две сестры Савельевы спорили шёпотом, кому нести пакет со сменной обувью. Остальные ещё дремали, прислонившись лбами к холодным окнам.

Перед мостом Михаил остановился, хотя знак требовал только снизить скорость. Так он делал с тех пор, как после августовского ливня на правом устое появилась новая светлая трещина. Поставил автобус на ручник, открыл дверь и вышел.

Дождь постукивал по жёлтой крыше. Под мостом шла не река, а ручей Каменка, летом мелкий, зимой почти неподвижный. Пять лет назад он за одну ночь стал шире площади перед администрацией, притащил брёвна, два гаража и чей-то зелёный диван. Теперь вода опять была невысокой, но несла пену и била в бетонную опору. Михаил нагнулся, провёл лучом фонаря по краю настила. Две недели назад рабочие залили щель серым раствором. Раствор держался. Ржавая полоса на нижней балке стала длиннее или только казалась такой в свете фонаря.

— Михаил Андреевич, мы опоздаем, — крикнул Костя из открытой двери.

— На две минуты опоздаем — переживём.

— У меня опыт по расписанию.

— Вулкан без тебя не начнётся.

Костя подумал и согласился. Михаил вернулся за руль, записал время остановки в путевой лист и тронулся на первой передаче. Мост отозвался под колёсами коротким металлическим стуком. Этот звук он знал: неплотно лежала крайняя плита у въезда. Но сегодня следом пришёл другой, глухой, словно кто-то ударил снизу ладонью.

Михаил не прибавил газа, пока задние колёса не сошли на дорогу. В зеркале мост казался обычным — две бетонные тумбы, мокрые перила, кусты шиповника. Ничего такого, о чём можно было бы рассказать водителям в гараже без риска услышать: «Опять Руднев перестраховывается».

У первого дома ждала Зоя Михайловна в синем плаще. Внука Сашу она держала за плечо, хотя мальчику было уже двенадцать и он пытался высвободиться. Когда автобус остановился, женщина не сразу отпустила его, а подошла к двери.

— Миша, обратно сегодня как всегда?

— Как всегда, в половине третьего младшие.

— Они там опять ленту натянули у верхней лестницы. Ты детям скажи, чтоб не лазили.

— Какую ленту?

— Красно-белую. С утра машина приезжала, двое ходили с рулеткой. Один всё фотографировал.

— Из дорожного отдела?

— Мне не представились. Будто нас тут нет.

Саша наконец вывернулся и поднялся в салон. Зоя Михайловна поправила капюшон, но не отошла.

— Ты спроси, Миша. Тебе скажут.

Слова прозвучали без упрёка, и именно поэтому Михаил почувствовал знакомую тяжесть. На Старой улице к нему обращались так, будто водитель автобуса имел отдельный вход во все городские кабинеты. Он уже объяснял, что получает путевой лист в шесть сорок, проверяет тормоза, свет, аптечку и едет по утверждённой схеме. Никаких совещаний о мостах при нём не проводили. Но люди продолжали просить: узнай, передай, напомни. Он узнавал, передавал и напоминал, потому что иначе просьбы оставались висеть в воздухе.

— Спрошу у диспетчера, — сказал он.

— Вот и хорошо.

Старая улица тянулась вдоль склона неровной строкой. После наводнения у одних домов остались только фундаменты, другие стояли с новыми крышами над стенами, где до сих пор виднелась бурая полоса воды. Город поставил у въезда щит «Зона отселения», но буква «о» в последнем слове давно облупилась. За щитом сушилось бельё, дымили трубы, лаяли собаки. Каждый будний день здесь садились в автобус одиннадцать школьников.

У мастерской ждали ещё четверо. Лида Карпова подняла ладонь, заставляя сына постоять, пока Михаил не открыл дверь полностью. На ней была оранжевая непромокаемая куртка с серебряными полосами и тяжёлые рабочие ботинки.

— Трещину видел? — спросила она вместо приветствия.

— Видел.

— Раствор отходит по нижнему краю. Вчера не было.

— Откуда знаешь?

— Я его вчера щупала. Не смотри так, каска у меня была.

— Каска мост не держит.

— А серый плевок из ведра, значит, держит?

Костя осторожно поставил вулкан на свободное место и повернулся к матери.

— Мам, он сказал, что медленно проедет.

— Ты в разговор взрослых не вступай.

— Я не вступаю. Я сообщаю.

Лида прикрыла улыбку ладонью. Потом снова стала серьёзной.

— Я вечером посмотрю с Романом. Если там раствор вымыло, автобусом лучше не ходить.

— Сам решу, чем лучше ходить.

— Вот это в тебе самое водительское. Даже когда я говорю как строитель, ты слышишь мать пассажира.

— А ты сейчас кто?

Лида посмотрела на Костю, на детей за стеклом и ответила:

— И та и другая.

Она захлопнула дверь сама, хотя Михаил терпеть не мог, когда так делали. Створки от удара дрогнули. Он дождался, пока Лида отойдёт, и повёл автобус дальше.

За последним домом дорога делала круг на старой площадке у закрытого магазина. Развернуться там можно было только в два приёма: сдать к заросшей стене, вывернуть руль, следя за низкой сливой, затем податься вперёд. Михаил делал это столько раз, что руки начинали движение раньше взгляда. Но всё равно проверил левое зеркало, правое, верхнее, только потом нажал педаль.

На обратном пути мост молчал. Михаил решил, что глухой удар был камнем, который вода швырнула в опору. Решение получилось слишком быстрым, и он сам это понял. Поэтому у школы позвонил диспетчеру ещё до того, как воспитательница пересчитала младших.

— Надя, кто сегодня мост смотрел на Старой?

— Доброе утро, Михаил Андреевич.

— Доброе. Кто смотрел?

— Не знаю. У меня с шести утра два водителя на больничном, один автобус не завёлся и родители с Заречья звонят каждые семь минут. Если мост стоит, дай мне пять минут.

— Стоит.

— Тогда высади детей и не пропадай. Тебя после рейса начальник ждёт.

— Какой начальник?

— Наш, Виктор Петрович. И из администрации кто-то. Я тебе в путевой красную бумажку вложила, ты опять не посмотрел.

Красную бумажку Михаил нашёл под листом осмотра. «После выполнения утреннего развоза явиться в кабинет директора», — было напечатано крупно. Ниже стояла вчерашняя дата и подпись диспетчера. Он действительно не заметил. В шесть сорок водитель Семёныч ругался из-за разряженного аккумулятора, и Михаил помогал толкать запасной автобус к воротам. Потом проверял свой, а бумаги сунул под зажим почти не глядя.

— Нашёл? — спросила Надя.

— Нашёл.

— Чудо произошло.

— А позвонить нельзя было?

— Можно. И прочесть нельзя было? Иди, тебя правда ждут.

Он убрал телефон. Костя стоял у открытой двери с вулканом в руках и не решался спускаться. Ступени были мокрыми, пакет скользил.

— Давай понесу.

— Он мой.

— Поэтому я понесу только до крыльца, а извергать будешь ты.

Михаил взял модель снизу обеими руками. Костя шёл рядом и придерживал вершину. У школьного крыльца дежурная учительница сказала, что посторонним дальше нельзя, и Костя возмутился:

— Он не посторонний, он водитель.

— Всё верно, — сказал Михаил. — Поэтому мне пора в гараж.

Модель перешла в руки учительницы. Михаил вернулся к автобусу, подобрал с пола фантик, закрыл окна и ещё раз обошёл машину. На правом заднем колесе прилипла ветка шиповника. Он выдернул её и бросил в урну. Дождь становился сильнее.

До гаража было двенадцать минут. За это время Михаил успел придумать три причины вызова. Первая — перерасход топлива. Заезд на Старую добавлял восемнадцать минут и несколько километров, бухгалтерия в прошлом месяце снова сравнивала его показатели с равнинным маршрутом. Вторая — жалоба отца близнецов, которому Михаил запретил встречать детей на машине прямо у автобусной площадки. Третья — мост.

Третья причина была самой простой и самой тяжёлой.

В кабинете директора пахло мокрой одеждой и растворимым кофе. Виктор Петрович сидел за столом, положив обе ладони на папку. Он был крупным человеком с тихим голосом; когда сердился, начинал говорить ещё тише. У окна стоял незнакомый мужчина в коротком тёмном пальто. На подоконнике лежал сложенный зонт, с которого стекала вода.

— Михаил Андреевич, знакомьтесь, — сказал директор. — Павел Сергеевич Трегубов, управление городского хозяйства. Павел Сергеевич, наш водитель Руднев.

Трегубов протянул руку. Ладонь была сухой и холодной.

— Мы вас задержим на десять минут, — сказал он.

— Через час второй рейс.

— Уложимся.

Виктор Петрович указал на стул. Михаил не сел. Мокрая куртка липла к спине, с рукавов капало на линолеум.

— Что с мостом?

Трегубов открыл папку и повернул к нему первый лист. На фотографии была знакомая светлая трещина, рядом лежала линейка с чёрными делениями.

— Сегодня утром провели внеочередной осмотр. Вчера вечером поступило сообщение об изменении ширины раскрытия трещины на правом устое. Кроме того, есть признаки подмыва основания после осадков.

— Какие признаки?

— Это заключение специалиста.

— Я спрашиваю, потому что утром проехал.

Виктор Петрович убрал одну ладонь с папки и потёр переносицу.

— Вот поэтому и вызвали. С сегодняшнего дня тяжёлый транспорт туда не пускают.

— С сегодняшнего или после пятницы?

Трегубов посмотрел на директора. Тот вытащил из папки второй лист.

— Формально временное ограничение вступает в силу в субботу с нуля часов. До пятницы вы завершаете школьную неделю по действующей схеме. Если вода поднимется или будут новые признаки повреждения, закрываем сразу.

— А в понедельник?

— В понедельник на Старую улицу не заезжаем.

Михаил всё-таки сел. Стул оказался низким, колени поднялись почти до края стола. Он взял лист, не дожидаясь предложения. В верхней части стоял герб города, ниже — номер распоряжения. Слова шли длинной ровной полосой: ограничить движение транспортных средств разрешённой максимальной массой свыше трёх с половиной тонн; установить временные дорожные знаки; поручить перевозчику изменить схему движения.

— А детей откуда забирать?

— С остановки «Липовая», — ответил Трегубов. — Она находится за перекрёстком на безопасном участке.

— Для кого безопасном?

— Для движения автобуса.

— Я спрашиваю про детей.

Трегубов придвинул к себе папку, но Михаил удержал лист пальцами.

— От последнего дома до «Липовой» сколько?

— По карте около двух километров.

— По какой дороге?

— Есть пешеходный проход через верхнюю лестницу.

— Там ленту сегодня натянули.

Впервые лицо чиновника изменилось. Он быстро посмотрел на фотографию, затем достал телефон, но звонить не стал.

— Лента обозначает участок обследования. Проход не закрыт.

— А вдоль осыпи идти можно?

— Михаил Андреевич, — вмешался директор, — мы не спорим, что ситуация плохая. Но пустить ПАЗ по мосту после такого заключения я не могу. И ты не можешь.

— Я не говорю, что могу. Я спрашиваю, что будет с детьми.

Трегубов аккуратно высвободил лист из-под его руки.

— Родителей уведомят. Подвоз от Старой улицы прекращается временно, до восстановления безопасного проезда. Обязанность доставить ребёнка к действующей остановке лежит на законном представителе.

— Одиннадцать детей.

— По спискам управления образования на улице нет постоянно проживающих семей с детьми.

В кабинете стало слышно, как вода падает с зонта на подоконник. Капля набиралась на конце спицы, тяжелела и срывалась.

— Я сегодня привёз одиннадцать, — сказал Михаил.

— Я не отрицаю, что люди фактически находятся в домах. Говорю о сведениях, которыми располагает администрация. После наводнения территория включена в программу отселения. Большинство адресов сняты с постоянного обслуживания.

— Автобус пять лет туда ходит.

— По временной схеме.

— Пять лет — это временно?

— Пока не решён вопрос со статусом территории.

— А дети тоже временные?

Виктор Петрович поднял ладонь.

— Миша.

Михаил замолчал. Он знал этот тон. Директор не защищал чиновника, он пытался удерживать разговор там, где ещё можно было что-то решить.

Трегубов закрыл папку, но не встал.

— Вы считаете, что я хочу оставить детей без транспорта. Это не так. У меня есть мост с признаками подмыва и автобус, в котором утром находилось одиннадцать несовершеннолетних. Если я разрешу движение и произойдёт авария, никакие разговоры о привычном маршруте не будут иметь значения.

— А если ребёнок сорвётся на верхней тропе?

— Тогда ответственность будет у тех, кто отвечает за пешеходный путь. Сейчас мы обсуждаем мост.

— Удобно у вас получается. За каждый кусок отвечает отдельный человек, а ребёнок должен пройти все куски целиком.

Трегубов помолчал. Михаил ожидал сухого ответа, но тот сказал без раздражения:

— Неудобно. Но если я начну закрывать один риск разрешением на другой, лучше не станет.

Это был разумный ответ, и от него злость Михаила стала только тяжелее. С равнодушным человеком было бы проще. Можно было уйти, хлопнув дверью, и потом рассказывать жителям, что в администрации сидит камень. Трегубов камнем не был. Он просто видел на столе один опасный мост, а Михаил — одиннадцать детей, Зою Михайловну в синем плаще, Лиду в рабочих ботинках и дома за облупленным щитом.

— Что вы сделали для остановки за мостом? — спросил он.

— Пока ничего. Там нет утверждённой площадки.

— Есть разворот у магазина.

— Он находится внутри зоны ограничения и требует проезда по мосту.

— С другой стороны есть карман у лесной дороги.

— Нет подхода, ограждения и освещения.

— Значит, сделайте.

— Для этого нужны обследование, земля, проект организации движения и деньги. К понедельнику площадка не появится.

— А что появится к понедельнику?

— Знаки и новая схема маршрута.

Трегубов достал третий лист. Красная линия шла по главной дороге и поворачивала к школе, не спускаясь к реке. Старая улица оставалась внизу, за серой штриховкой. На плане всё выглядело чисто. Автобус экономил время, не приближался к опасному мосту, ни одна линия не обрывалась. Михаил подумал о пустых сиденьях после поворота.

— Подпишите, что ознакомлены, — сказал Виктор Петрович.

— Если не подпишу?

— Распоряжение всё равно действует. А я составлю акт, что ты отказался ознакомиться.

Михаил взял ручку. Под строкой уже стояла подпись директора. Он медленно написал фамилию, поставил дату и вернул лист.

— До пятницы езжу?

— При отсутствии ухудшения, — сказал Трегубов. — Перед каждым проездом осматриваете мост. О любых изменениях сообщаете диспетчеру. Скорость — не выше пяти километров в час, в салоне только школьники по списку и сопровождающий, если он предусмотрен.

— Сопровождающего у нас не предусмотрено.

— Значит, без него.

— Родителям кто скажет?

— Школа разошлёт уведомления сегодня. Управление образования подготовит письмо.

— Письмо дойдёт, а дети как дойдут?

— Михаил Андреевич, мы это уже обсудили.

— Нет. Мы обсудили, как автобус не поедет. Как дети пойдут, никто не обсуждал.

Он поднялся. Низкий стул скрипнул и отъехал к стене.

— Мне на второй рейс.

В коридоре Надя остановила его у окна выдачи путевых листов.

— Что там?

— После пятницы Старой нет.

— Как это нет?

— На схеме нет. А так стоит на месте.

Надя сняла очки, протёрла краем кофты.

— Одиннадцать человек. Я вчера ведомость сверяла.

— В администрации по спискам ни одного.

— Очень хорошо. Может, и бензин на них не списывать? Сам катался для удовольствия.

— Дай копию распоряжения.

— Они оставили?

— У Виктора Петровича.

— Тогда после рейса. И не вздумай геройствовать, Миша. Если мост закрыт, значит, закрыт.

— Я подпись поставил.

— Ты можешь поставить подпись и всё равно сделать по-своему. Я тебя давно знаю.

Он хотел ответить, но из ремонтного бокса позвали механика, телефон у Нади зазвонил, и разговор распался. Михаил пошёл к автобусу.

Днём дождь прекратился. Облака поднялись, открыв мокрые склоны и белые полосы первого снега на вершинах. Михаил забрал младших после четвертого урока. Костя вошёл последним, прижимая к груди размокший пакет. Красная бумажная лава исчезла.

— Не сработал? — спросил Михаил.

— Сработал. Только слишком сильно. Мария Ивановна сказала налить две ложки, а Гена налил полстакана.

— Школа цела?

— Почти.

Костя сел впереди. Когда автобус миновал остановку «Липовая», Михаил посмотрел на неё так, будто видел впервые. Обычный синий павильон, скамья, урна. Отсюда вверх к школе шёл тротуар. Вниз, к Старой улице, асфальт кончался через сто метров. Дальше между дворами поднималась лестница из бетонных ступеней, потом тропа огибала склон. Расстояние на карте действительно могло быть около двух километров. Только карта не показывала высоту и то, как быстро в ноябре темнеет в ущелье.

Перед мостом он остановился. На этот раз вышел с молотком и мелом. Простучал край плиты, присел у трещины. Светлая полоса раствора внизу осыпалась, открывая тёмную щель толщиной с ноготь. Михаил обвёл мелом её конец и поставил рядом дату.

Лида ждала у мастерской. Увидев автобус, она сначала посадила детей за калитку и только потом подошла.

— Ну?

— После пятницы закрывают.

Она не спросила, кто и почему. Посмотрела в сторону моста и кивнула.

— Правильно.

— Быстро ты.

— Я утром сказала: автобусом лучше не ходить.

— А пешком детям лучше?

— Нет.

— Остановка будет на «Липовой».

Лида прищурилась, будто он назвал место на другом конце района.

— Через верх?

— По карте два километра.

— По карте у нас и дома пустые.

Костя стоял за калиткой с вулканом и слушал. Лида заметила это, открыла калитку и кивнула ему на дом.

— Рюкзак поставь и переоденься. Потом расскажешь, как вы кабинет затопили.

— Мы не затопили. Мы забрызгали.

— Иди.

Когда сын ушёл, она положила ладонь на поручень автобуса.

— Что ты собираешься делать?

— До пятницы возить.

— Я не про это.

— А про что?

— Ты прекрасно понял.

Михаил посмотрел в зеркало. В салоне оставались Савельевы и маленькая Даша Грицай. Девочка водила пальцем по запотевшему стеклу, рисуя дом с трубой.

— Завтра пройду от последнего дома до «Липовой». Засеку время.

— Сам?

— С кем ещё?

— Со мной. Я покажу, где осыпь после дождя полезла. Только утром не могу, у меня смена.

— Пройду после развоза.

— Тогда не лезь за ленту у верхней лестницы.

— Она проход не закрывает.

— Павел Сергеевич сказал?

Михаил удивился.

— Ты его знаешь?

— Он утром приезжал. Сказал, что лента обозначает место замеров и проход открыт. А потом сам по мокрым ступеням не пошёл, вернулся к машине.

Лида отпустила поручень.

— Посчитай не только минуты, Миша. Посчитай, сколько детей сможет провести мать, если ей к восьми на работу. И кто будет встречать их зимой в три, когда уже смеркается.

— Я умею считать.

— Знаю. Поэтому и говорю тебе.

На последнем развороте Михаил не выключил двигатель. Подождал, пока Зоя Михайловна уведёт внука, потом медленно поехал обратно. Проезжая мимо щита, он прочёл облупленную надпись целиком, мысленно вставив потерянную букву. Зона отселения. За пять лет он ни разу не видел, чтобы отсюда уехали все сразу. Люди исчезали по одному, потом некоторые возвращались. Кто-то не смог платить за жильё в новом районе, кто-то не прижился у родственников, кто-то отремонтировал дом выше водяной полосы и решил, что этого достаточно. Город продолжал считать вопрос временным, а на Старой улице дети успевали вырасти из начальной школы.

На мосту автобус снова отозвался глухим ударом. Теперь Михаил понял: звук шёл не из воды. Правая задняя плита чуть просела под колесом и вернулась на место.

Он остановился уже за мостом, включил аварийные огни и вышел. На плите у самого края выступила тонкая полоска мутной воды. Меловая отметка осталась на устое с другой стороны, отсюда её не было видно. Михаил достал телефон и позвонил Наде.

— Записывай. При проезде есть вертикальное движение крайней плиты у правого въезда. Из стыка выступает вода.

— Приняла. Ты где сейчас?

— За мостом, салон пустой.

— Возвращайся без заезда на плиту. Там есть где оставить машину?

— На обочине встанет.

— Не умничай. Я вызываю дорожников и звоню Виктору Петровичу. До решения стой.

— У меня старшие через сорок минут.

— Отправим запасной. Стой, Миша.

Он поставил знак аварийной остановки и отошёл к перилам. Внизу Каменка билась о бетон, таща ветки и жёлтую пену. На Старой улице хлопнула калитка, залаяла собака. Оттуда мост выглядел единственным выходом к городу, хотя Михаил знал и верхнюю лестницу, и лесную дорогу, и тропы между дворами. Ни один путь не был единственным, пока по нему не требовалось каждый день вести детей.

Через десять минут подъехала белая машина управления. Трегубов вышел без пальто, в свитере и сигнальном жилете. За ним из второй двери выбрался инженер с нивелирной рейкой. Они не стали здороваться. Инженер лёг на мокрый асфальт, посветил под плиту, попросил Михаила описать звук и велел проехать автобусом полметра назад, не заезжая колесом на стык.

Потом они втроем стояли под морозящим дождём, и инженер говорил, что до обследования нагрузку давать нельзя. Трегубов слушал, прижав телефон к уху, и коротко отвечал кому-то: да, немедленно; да, физическое перекрытие; да, школьный маршрут уведомить.

— Значит, не до пятницы, — сказал Михаил, когда звонок закончился.

— Значит, с этого момента.

— Утром я детей вывез. Обратно часть уже привёз. Старшие в школе.

— Запасной автобус заберёт их на «Липовой».

— А до домов?

Трегубов посмотрел через мост. На той стороне Лида уже шла к ним в оранжевой куртке. За ней спускались Зоя Михайловна и Роман Грицай. Новость двигалась по улице быстрее официального письма.

— Мост перекроем блоками, — сказал Трегубов. — Для пешеходов тоже.

— До домов как?

— Верхним проходом.

— Вы его сами прошли?

— Сегодня нет.

— Я завтра пройду.

— Это ваше решение.

— Нет, Павел Сергеевич. Моё решение — только идти или не идти. А дети там пойдут в любом случае, потому что в понедельник школа откроется.

Трегубов убрал телефон в карман жилета.

— Что вы от меня хотите сейчас?

Михаил посмотрел на автобус. Машина стояла носом к городу, на безопасной стороне. Между ней и Старой улицей оставалось метров тридцать асфальта и мост, по которому уже нельзя было пройти. Он подумал, что утром всё было связано привычным движением: дома, остановки, школа, гараж. Одно распоряжение не разрушило эту связь. Оно только показало место, где связь держалась на треснувшей плите.

— Завтра в девять у последнего дома, — сказал он. — Пройдём до «Липовой» ногами. Вы, я, кто-нибудь из школы и родители. Секундомер не забудьте.

— У меня совещание.

— Перенесите.

— Вы не можете назначать мне рабочий день.

— Не могу. Тогда напишете схему по карте, а в понедельник будете объяснять, почему первоклассник должен идти по ней один.

Лида подошла к краю моста и остановилась перед плитой.

— Не наступай! — крикнул Михаил.

Она отступила. За её спиной собрались люди. Никто не шумел и не требовал немедленно пустить автобус. Они смотрели на промежуток между двумя берегами, слишком короткий для отдельной беды и слишком длинный, чтобы просто перешагнуть.

Трегубов перевёл взгляд с них на Михаила.

— В девять не смогу. В десять тридцать.

— Детям к восьми тридцати.

— Завтра суббота.

— Поэтому и можно пройти без детей. Но засечём так, будто им к восьми тридцати.

Трегубов вздохнул.

— В десять тридцать у последнего дома. Представитель школы — ваша забота.

— Договорились.

Инженер позвал чиновника и показал что-то под плитой. Михаил отошёл к автобусу. Надя уже прислала сообщение: запасной заберёт старших, директор уведомлён, маршрут остановлен. Следом пришло другое сообщение, от дочери.

«Пап, поговорила с начальником автопарка. Место пока держат. Позвони вечером».

Он прочитал дважды и убрал телефон, не ответив.

Пять лет после наводнения Михаил считал, что уехать сможет в любой день. Дом был цел, вещей немного, Аня звала не из жалости. Он оставался, потому что работа была здесь, потому что могила жены была на верхнем кладбище, потому что улицы города помещались в памяти вместе со всеми ямами и поворотами. Ни одна причина не выглядела цепью. Теперь ему впервые показали простую дорогу наружу и одновременно закрыли короткий заезд к одиннадцати детям.

На другой стороне Лида увела людей от моста. Они поднимались по улице, заходили во дворы и снова выходили. Кто-то нёс складной стол, кто-то фонари, Роман тащил бухту верёвки. Они уже устраивали жизнь вокруг закрытого прохода, ещё не зная, как будет выглядеть понедельник.

Михаил сел за руль, но двигатель не запустил. В салоне пахло мокрыми куртками, резиной и уксусом из Костиного вулкана. На полу под первым сиденьем лежал клочок красной бумаги. Он поднял его и положил на приборную панель.

Последний рейс по Старой улице закончился не у школы и не в гараже. Он закончился здесь, перед мостом, когда автобус оказался на одном берегу, а люди — на другом. Михаил

смотрел на пустые кресла и понимал: в понедельник они не должны остаться пустыми. Но впервые за много лет он не знал, где именно начнётся следующий маршрут.

Глава 2. Пятнадцать минут пешком

В субботу в десять двадцать Михаил стоял у последнего дома Старой улицы и смотрел, как Трегубов поднимается по дороге в чистых городских ботинках. Машину чиновник оставил у закрытого моста. За ночь поперёк проезда поставили два бетонных блока, между ними натянули красно-белую ленту. Для человека оставалась щель, но на блоке висела табличка: «Проход запрещён».

До последнего дома Трегубова подвёз Роман Грицай на старой «Ниве» через лесную дорогу. Теперь машина стояла у забора, покрытая глиной до стёкол. Роман курил рядом, Лида проверяла ремни небольшого рюкзака, а Зоя Михайловна держала за руку соседскую первоклассницу Дашу. Даша пришла в сиреновой куртке и с настоящим школьным ранцем.

— Мы договаривались без детей, — сказал Михаил.

— Мы договаривались пройти так, будто им в школу, — ответила Зоя Михайловна. — Вот и пройдем.

— Ей зачем мокнуть?

— Затем, что у тебя шаг метр, у него, — она указала на Трегубова, — тоже не детский.

А на бумаге потом получится пятнадцать минут.

Даша подняла голову.

— Я быстро хожу.

— Никто не говорит, что медленно, — сказал Михаил. — Если устанешь, сразу скажи.

— Не устану.

Кроме них пришла завуч школы Ирина Борисовна. На ней были резиновые сапоги и светлое пальто, слишком тонкое для ветра. Она принесла папку со списком детей и всё время прижимала её к груди, защищая от мороси.

Трегубов поздоровался со всеми по очереди, даже с Дашей. Увидев её ранец, нахмурился.

— Ребёнка можно было не привлекать.

— А можно было не считать дорогу по карте, — сказала Лида.

— Расстояние измерено по городской системе.

— Тогда систему и отправим в первый класс.

Михаил включил секундомер.

— Спорить будем на ходу. Сейчас десять тридцать одна. Даша, представь, что автобус ушёл и тебе надо к первому уроку. Иди как обычно, не беги.

Первый участок проходил по Старой улице. Дорога медленно поднималась между домами, пересекала два ручья в бетонных желобах и у пустого фундамента превращалась в колею. В будний день детям требовалось собраться из разных дворов, но сейчас они начали от крайнего адреса, поэтому Михаил мысленно добавил к времени ещё несколько минут.

Даша шла бодро. Ранец подпрыгивал на спине, светоотражающая полоска мигала. Зоя Михайловна держалась рядом. Остальные растянулись: Роман замыкал, Трегубов старался не наступать в грязь, Ирина Борисовна уже через три минуты сняла капюшон — он мешал ей видеть камни под ногами.

У дома Карповых к ним присоединился Костя.

— Ты куда? — спросила Лида.

— В школу.

— Сегодня суббота.

— Я показываю, как иду в школу.

— Возвращайся.

Костя посмотрел на Михаила, но тот не стал вмешиваться.

— Мам, Даша одна не покажет. Она маленькая.

— Именно поэтому её одной достаточно.

— А у меня физкультура по понедельникам. — Костя поднял пакет с кроссовками. — Это ещё полкило.

Лида хотела возразить, потом махнула рукой.

— Идешь рядом со мной. К осыпи вперёд не лезешь.

Через восемь минут дорога упёрлась в ворота бывшей турбазы. До наводнения здесь начиналась лестница к верхнему кварталу. Теперь нижние ступени лежали под слоем глины, а проход огибал ворота по узкой полосе между сетчатым забором и склоном.

— На карте тропа идёт прямо, — сказал Трегубов.

— На карте нет этого забора, — ответил Роман.

— Забор стоит на муниципальной земле?

— Спроси у владельца турбазы. Только он в городе не появлялся года три.

Михаил прошёл первым. Боком здесь идти не требовалось, но двоим разойтись было нельзя. Справа сетка выпирала наружу ржавыми концами, слева из мокрой земли торчали корни. Даша зацепилась ранцем за проволоку. Зоя дёрнула её вперёд, ткань затрещала.

— Стойте, — сказала Лида.

Она освободила лямку и пригнула острый конец сетки камнем.

— Весной тут шире было, — сказал Костя. — Земля съехала.

Трегубов достал телефон и сфотографировал проход.

— Это можно устранить быстро.

— Кто устранит? — спросил Михаил.

— Установим собственника ограждения, выдадим предписание.

— К понедельнику?

— К понедельнику — нет.

Они двинулись дальше. Через сто метров началась лестница. Внизу ступени были бетонными, наверху — деревянными, собранными жителями после того, как вода унесла часть пролёта. Красно-белая лента висела вдоль правого края, где склон просел и открыл старую трубу. Проход формально оставался открытым. Фактически между лентой и перилами помещался один человек.

Даша взялась за поручень. Первая ступень доходила ей почти до колена.

— Обычно Коля помогает, — сказала она.

— Какой Коля? — спросила Ирина Борисовна.

— Савельев. Он меня тянет.

— Коля сам в четвёртом классе.

— Он сильный.

Михаил встал ниже, Зоя — выше. Даша поднялась на пять ступеней, остановилась и поправила ранец. Костя обогнал её по внешнему краю, но Лида сразу вернула его назад.

— Мы не на скорость, — сказала она.

— А автобус ждать не будет.

— Будет, если заранее знать время, — сказал Михаил.

Он произнёс это автоматически и тут же понял слабость ответа. Автобус мог ждать пять минут на утверждённой остановке. Не двадцать, пока одиннадцать детей выбирают с улицы в разном темпе. За ним были другие остановки, уроки и родители, которые тоже считали минуты.

На площадке после первого пролёта Даша тяжело дышала. Прошло шестнадцать минут.

— Вот ваши пятнадцать, — сказала Зоя Михайловна. — А мы ещё даже половину лестницы не поднялись.

— В расчёте указано время от границы улицы, — ответил Трегубов.

— Улица где кончается?

Он открыл карту в телефоне, увеличил изображение.

— Примерно здесь.

Точка находилась чуть выше турбазы.

— Значит, дома у нас не на улице? — спросил Роман.

— Я не устанавливаю адресные границы. Показываю начало измеренного участка.

— У вас всё начинается там, где удобно измерять.

Трегубов убрал телефон.

— Если мы хотим получить точное время, нужно продолжать, а не спорить на каждой площадке.

Михаил посмотрел на секундомер.

— Спор тоже часть дороги. Утром кто-нибудь обязательно будет ждать отставшего, завязывать шнурок или вытаскивать варежку. Давайте дальше.

На второй лестнице деревянная ступень прогнулась под Трегубовым. Он резко перенёс вес на поручень, тот качнулся. Лида велела всем остановиться, присела и осмотрела доску.

— Снизу сгнила опора. По одному и ближе к склону.

— Вы это строили? — спросил чиновник.

— Мы с Романом и ещё трое соседей. Три года назад. Город обещал заменить до зимы.

— Разрешение было?

— Было ведро гвоздей и две женщины после операции, которым нужно было попасть к врачу.

— Я не для протокола спрашиваю. Мне нужно понимать, кто может быстро отремонтировать.

Лида выпрямилась.

— Быстро — мы. Отвечать, если кто-то упадёт, — тоже мы. А пользоваться будут все, потому что другого прохода нет.

Михаил заметил, как Трегубов провёл ладонью по мокрому поручню. Вчера в кабинете он говорил о разделённой ответственности уверенно. Здесь границы не помещались в папку: муниципальная земля, частный забор, самодельная лестница, школьники, закрытый мост. Каждый кусок кому-то принадлежал, а вся дорога — никому.

Наверху лестница выходила к осыпи. Склон был срезан старой дорогой, давно закрытой для машин. Справа поднималась мокрая глина, слева за низким кустарником земля уходила вниз к крышам Старой улицы. Тропа тянулась по полке шириной около метра. В двух местах вчерашний дождь снёс край, оставив едва половину.

Лида остановила Дашу.

— Сейчас идёшь за мной. Смотри на мои ботинки. Вниз не смотри.

— Я не боюсь.

— Это хорошо. Всё равно смотри на ботинки.

Трегубов подошёл к краю и измерил ширину складной рулеткой. Сорок семь сантиметров.

— Проход закрывать надо, — сказал он.

— И куда детей? — спросил Михаил.

— До устранения риска — лесной дорогой.

Роман рассмеялся без веселья.

— Пять километров по грязи. «Нива» прошла, автобус сядет у первого брода.

— Я говорю о пешеходах.

— Первоклассница пять километров до остановки, потом школа? Отличный план.

— Это не план. Это единственная альтернатива, если участок опасен.

— Единственная на вашей карте, — сказала Лида.

Она повела детей по узкому месту. Михаил шёл последним и смотрел, куда они ставят ноги. Даша прошла, ни разу не оступившись, но на широкой части вдруг остановилась.

— Бабушка отстала.

Зоя Михайловна стояла перед размытым краем и не решалась перенести ногу. Она всегда ходила быстро по ровной улице, и Михаил никогда не замечал, что правое колено у неё почти не сгибается. Роман вернулся, взял её под локоть. Из-за этого вся группа остановилась на тропе.

— В понедельник взрослые будут сопровождать детей? — спросила Ирина Борисовна.

— Родителей уведомят, — сказал Трегубов.

— Это не ответ. У Савельевых мать выходит в пекарню в пять сорок. Отец работает вахтой. У Даши отец водит грузовик, а мать сейчас с младенцем. Зоя Михайловна одна не проведёт всех.

— Школа может организовать сопровождение?

Ирина Борисовна плотнее прижала папку.

— Учитель не может уходить на два часа до начала уроков и ещё на два после. У нас нет такой ставки.

— Социальный транспорт?

— По мосту он тоже не проедет, — сказал Михаил.

— До остановки лесной дороги.

— Тогда машину нужно оставить на этой стороне, — сказала Лида. — И где она будет ночевать? Кто водитель? Кто отвечает? Вы сейчас на ходу придумываете то, что надо было придумать до закрытия.

Трегубов не ответил. Он достал блокнот и записал несколько строк. Михаил ожидал, что это разозлит жителей ещё сильнее, но Роман заглянул через плечо и сказал:

— Пиши: сорок семь сантиметров. И после заморозка здесь будет каток.

— Записал.

За осыпью тропа вошла в березняк. Здесь было безопаснее, но грязь стала глубже. Костя несколько раз перепрыгнул лужи, Даша обходила их по траве. На третьей луже трава ушла из-под ноги. Девочка села боком в мокрую землю и ударилась ладонью.

Все заговорили одновременно. Зоя охнула, Ирина Борисовна полезла за салфетками, Лида спросила, не болит ли запястье. Даша поднялась сама. На сиреневых брюках расплылось тёмное пятно.

— Я нормально, — сказала она и сразу заплакала.

Не от боли — от обиды на своё обещание не устать. Михаил присел перед ней, вытер грязь с ладони чистой стороной платка.

— Нормально — это когда можно поплакать и идти дальше. До остановки дойдём, там решим.

— Я быстро шла.

— Очень быстро.

— Автобус бы не ушёл?

— Не ушёл бы.

Он снова пообещал за автобус то, чего официально обещать не мог. Но сейчас иначе было нельзя.

Лида достала из рюкзака тонкие непромокаемые штаны и надела их Даше поверх мокрых. Она предусмотрела падение. Михаил подумал, что родители на Старой привыкли готовиться ко всему, что город считал случайностью.

Они продолжили путь медленнее. Костя больше не забегал вперёд. На развилке он уверенно повернул вправо, но Трегубов остановил его.

— По схеме налево.

— Налево тупик, — сказал мальчик.

— Тропа выходит к гаражам.

— Выходит. Только там собака.

— Чья?

— Ничья. Она за сеткой, но сетка дырявая.

— А справа?

— Дальше, зато без собаки.

Трегубов посмотрел на Михаила.

— Проверим оба пути.

— С ребёнком проверять собаку не будем, — сказал тот. — Сначала вправо. Обратно сами сходите.

Правый путь добавил семь минут и вывел к задним дворам верхнего квартала. Здесь начался асфальт. Даша заметно оживилась, шаг снова стал ровным. До остановки «Липовая» оставалось около шестисот метров, но последние двести нужно было пройти вдоль дороги без тротуара. Машины шли нечасто, зато быстро, выныривая из поворота.

Михаил остановил группу у обочины.

— Теперь представим понедельник. Темно, дождь, навстречу идут рабочие на лесопилку.

Один взрослый, одиннадцать детей.

— Нужны жилеты, — сказал Трегубов.

— Нужен тротуар, — ответила Лида.

— К понедельнику тротуар не построить.

— А дети к понедельнику уже есть.

— Поэтому я и говорю о жилетах как о временной мере.

— Жилет машину не остановит.

— Водитель увидит человека раньше.

— Если туман?

— Лида, — сказал Михаил. — Давай не доказывать, что любое решение бесполезно.

Жилеты нужны. И фонари нужны. Но сначала решим, можно ли вообще вести здесь группу.

Она посмотрела на него сердито, потом кивнула.

Михаил распределил взрослых: Лида впереди, Роман сзади, остальные между детьми, хотя детей было всего двое. Они прошли участок по одному. За пять минут их обогнали четыре машины. Первая сбросила скорость, вторая прижалась к осевой, третья прошла так близко, что ветер качнул полу пальто Ирины Борисовны. Трегубов записал номер.

У остановки Михаил выключил секундомер.

— Пятьдесят две минуты восемнадцать секунд.

— Мы останавливались, — сказал Трегубов.

— С детьми останавливаются.

— И обсуждали каждый участок.

— В обычное утро будут ждать тех, кто выходит из дальнего дома, помогать на лестнице и собирать группу после осыпи. Быстрее сорока пяти не получится.

— Я дошёл бы за тридцать, — сказал Костя.

— Один, в светлое время и без Даши, — сказала Лида. — А обратно после школы?

Костя промолчал.

Даша села на скамью. Ноги в грязных ботинках не доставали до земли. Зоя Михайловна растегнула ей куртку, дала воды. До условного начала урока оставалось бы двадцать минут. Потом автобус вёз бы детей ещё двенадцать. При удаче они успевали. Но в школу Даша пришла бы уже уставшей и мокрой.

Ирина Борисовна раскрыла папку.

— Из одиннадцати детей трое в первом и втором классах. У одного астма, справка есть. Костя после травмы колена освобождён от бега до декабря. У Савельевых занятия начинаются в разные смены два дня в неделю. Если собирать всех одним рейсом, старшей придётся ждать в школе почти час.

— Почему этого нет в письме управления образования? — спросил Трегубов.

— Потому что меня попросили подтвердить список получателей услуги по действующему маршруту, а не составить медицинское дело улицы.

— Пришлите мне сегодня.

— Персональные данные я вам просто так не пришлю.

— Тогда официальным письмом в управление. Я сделаю запрос.

Михаил сел рядом с Дашей. Павильон защищал от дождя, но ветер заходил сбоку. На стене кто-то написал маркером телефон и слово «дрова». Расписание висело под мутным пластиком. Их школьного рейса на нём не было: он считался специальным, только для учеников.

— Обратно как пойдём? — спросил Роман.

— Я отвезу всех через лес, — сказал он сам себе в ответ. — Дашу точно.

— А тропу налево проверим? — спросил Трегубов.

— Проверим вдвоём, — сказал Михаил. — Остальные пусть едут.

— Я останусь, — сказала Лида.

— Тебе детей переодеть надо.

— Костя сам переоденется. А собаку я знаю. Её зовут Шайба.

Костя возмутился:

— Она не Шайба, она просто круглая.

— Тем более знакомы.

Зоя Михайловна спросила то, ради чего, вероятно, и пришла:

— Что будет в понедельник?

Никто не ответил сразу. По главной дороге прошёл рейсовый автобус, пустой почти наполовину. Он остановился у павильона, водитель открыл дверь. Михаил поднял руку, показывая, что никто не садится. Дверь закрылась.

Трегубов перелистал записи.

— Верхний проход в нынешнем состоянии использовать для организованного движения детей нельзя. Сегодня подготовлю акт. Опасный участок у осыпи нужно оградить.

— То есть вы закроете и этот путь, — сказала Зоя.

— Если оставить его открытым после того, что мы увидели, будет хуже.

— А понедельник?

— На понедельник школа должна решить вопрос с дистанционными заданиями или переносом занятий для этих учеников. Параллельно мы рассмотрим временный подвоз со стороны лесной дороги транспортом меньшей вместимости.

— Там два брода, — сказал Роман.

— Проверим проходимость.

— После дождя не пройдёт никакая ваша «Газель».

— Тогда будем искать другое.

— Когда?

Трегубов закрыл блокнот.

— Я не могу построить мост за выходные.

— Никто не просит мост за выходные, — сказал Михаил. — Нужно место, откуда безопасно забрать детей. Автобус стоит на этой стороне. Дети на той. Между ними не обязательно должен быть автобусный мост.

Лида посмотрела на него.

— Пешком через воду ты их не поведёшь.

— Через воду нет. Есть старый служебный мостик у водомерного поста.

Роман покачал головой.

— Он заперт. И настил там гнилой.

— До него по нижним дворам десять минут. Оттуда до кармана у лесной дороги ещё пять.

— Карман не остановка, — сказал Трегубов.

— Пока не остановка.

— И мостик принадлежит гидрослужбе. Если он закрыт, значит, не рассчитан на общий проход.

— Значит, сегодня посмотрим, почему закрыт.

— Самовольно открывать нельзя.

— Я сказал посмотреть.

Трегубов задержал на нём взгляд.

— Хорошо. После проверки левого пути едем к водомерному посту. Ничего не открываем и не испытываем без владельца.

— Хорошо.

Это ещё не было решением. Но впервые с вчерашнего утра разговор двинулся от запрета к возможному месту встречи.

Роман увёз Зою и детей. Ирина Борисовна поехала с ними: ей нужно было обзвонить семьи и предупредить, что в понедельник прежнего автобуса не будет. На остановке остались Михаил, Лида и Трегубов.

Короткий путь к лестнице начинался за гаражами. У первого забора они услышали лай. Большая рыжая собака бросилась к сетке, просунула голову в дыру и защёлкала зубами. Цепь удержала её в полуметре от тропы.

— Цепь новая, — сказала Лида. — Вчера была длиннее.

Из гаража вышел мужчина в ватнике.

— Не бойтесь, не достанет.

— Детей тоже не достанет? — спросил Трегубов.

— А чего им тут ходить?

— В школу.

— Школа в другой стороне.

— Они со Старой улицы.

Мужчина посмотрел вниз, на невидимые отсюда крыши.

— Так там вроде никого нет.

Михаил рассмеялся. Не потому, что было смешно. Фраза, услышанная второй раз за сутки, прозвучала как пароль от города, в котором можно не замечать людей, если их нет в нужном списке.

— Есть, — сказал он. — Тридцать семь домов и одиннадцать школьников.

— Ну, я не знал.

— Теперь знаете. Дыру в сетке закройте сегодня.

Трегубов дал мужчине визитку и попросил номер владельца гаражей. Тот сразу стал говорить серьезнее, пообещал приварить кусок сетки после обеда. Лида дождалась, пока он уйдёт.

— Вот бы на всё по визитке.

— Иногда хватает, — сказал Трегубов.

— А иногда пять лет не хватает официальных писем.

— Я не работал в управлении пять лет назад.

— Здесь всегда кто-то не работал, когда началось.

Михаил шёл между ними и чувствовал себя водителем в автобусе, где двое пассажиров спорят через весь салон. Только попросить их не мешать движению было нельзя: дорогу как раз и нужно было найти в споре.

Назад они добрались за тридцать четыре минуты. Без ребёнка, без остановок у каждой лужи и почти не разговаривая. У последнего дома Михаил показал секундомер Трегубову.

— Вот ваши полчаса. От границы, быстрым взрослым шагом, в светлое время.

— Я вижу.

— В акте так и напишите.

— В акте будут фактические замеры и условия прохождения.

— И одиннадцать детей.

— И одиннадцать детей.

У водомерного поста их встретили закрытая калитка и табличка с номером аварийной службы. За сеткой узкий металлический мостик перекидывался через Каменку выше повреждённого автомобильного моста. Настил был покрыт листьями, перила выглядели целыми. На противоположном берегу тропа выходила к широкому гравийному карману, где мог развернуться ПАЗ.

Михаил позвонил по номеру. Диспетчер долго выяснял, какой именно пост, затем соединил с дежурным инженером. Тот сказал, что мостик закрыли два года назад не из-за конструкции, а потому что на посту перестали постоянно работать люди и не хотели оставлять открытый доступ к приборам. Последний осмотр был весной. Для организованного прохода требовались новый осмотр, освещение и соглашение с городом.

— Сколько занимает осмотр? — спросил Михаил.

— Если начальство даст заявку — день. Может, два. Но я вам ничего не обещал.

— И не надо. Назовите фамилию начальника.

Трегубов записал данные и отошёл звонить. Лида встала у сетки, оценивая мостик взглядом.

— Настил поменять можно за день, — сказала она. — Свет кинуть от поста. Только у дальнего выхода зимой наледь.

— Временный путь, — сказал Михаил.

— Самые постоянные слова в нашем городе.

— Я знаю.

— Не уверена. Ты сейчас уже придумал, что будешь утром собирать детей сам, переводить и садиться за руль.

Он не ответил.

— Миша, автобус не может ждать здесь без охраны. Тебе надо получить путевой, выехать из гаража, оставить машину, перейти мостик, собрать детей, вернуться. Это час до рейса. Потом вечером всё обратно. Ты долго так не выдержишь.

— Речь о нескольких днях.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю.

— Вот именно.

Трегубов вернулся. На лице у него впервые за день появилось что-то похожее на осторожное удовлетворение.

— Заявку на осмотр отправят сегодня. В понедельник утром приедет инженер гидрослужбы. До заключения проход закрыт. Я попрошу управление образования организовать детям задания на понедельник.

— А во вторник? — спросила Лида.

— Если мостик годен, сделаем временную схему. Автобус будет стоять здесь.

— Это не остановка, — напомнил Михаил его собственные слова.

— Оформим временное место посадки. Нужны знаки, конусы и человек, отвечающий за сопровождение.

— Кто?

— Решим с управлением образования.

— То есть пока никто.

— Пока никто.

Они стояли у запертой калитки и смотрели на короткий мостик. Отсюда задача казалась почти решённой: двадцать метров металла, две тропы, автобусный карман. Но Михаил уже знал цену слову «почти». Между пригодным мостиком и ребёнком в школьном кресле помещались заявка, осмотр, чужая подпись, фонарь, взрослый сопровождающий и несколько утренних часов, которых ни у кого не было в запасе.

— В понедельник я приду к осмотру, — сказала Лида.

— Я тоже, — сказал Михаил.

Трегубов покачал головой.

— Михаил Андреевич, у вас рабочий день.

— Мой маршрут изменили. До школы по новой схеме я доеду на восемнадцать минут раньше.

— Это не значит, что вы можете покинуть автобус.

— Значит, оформите мне участие.

— На каком основании?

— На том, что потом мне сюда детей приводить и отсюда везти.

Лида посмотрела на Трегубова.

— Он всё равно придёт.

— Я уже понял.

Чиновник убрал блокнот во внутренний карман.

— В семь сорок пять. Но без самостоятельности. До разрешения калитку не открываем.

Михаил кивнул.

Когда они разошлись, он не поехал домой. Оставил машину у Лиды и ещё раз прошёл от водомерного поста к последнему дому. Теперь без чиновника и секундомера. Он считал не минуты, а окна. У Савельевых горел свет на кухне. У Грицаев во дворе сушились детские сапоги. Зоя Михайловна чистила щёткой Дашин сиреневый ранец. У каждого дома понедельник уже требовал решения.

Михаил дошёл до закрытого моста. За бетонными блоками, на противоположном берегу, стоял его автобус. Виктор Петрович разрешил оставить машину там до конца дня под охраной дорожников, а вечером механик должен был забрать её в гараж. Пустой жёлтый ПАЗ был виден между лентами, как вещь, забытая совсем рядом и всё-таки недоступная.

Телефон зазвонил. Аня.

— Пап, ты сообщение видел?

— Видел.

— Почему не ответил?

— Был на маршруте.

— В субботу?

— Проверяли дорогу для детей.

Она помолчала. На заднем плане кто-то объявлял номер кабинета, звякнула тележка.

— У вас опять что-то случилось?

— Мост закрыли.

— Какой мост?

— На Старой.

— Тот самый, про который ты говорил ещё летом?

— Тот самый.

— И ты, конечно, теперь главный по мосту.

— Я водитель.

— Пап, когда ты говоришь «я водитель», это обычно значит, что ты взял на себя ещё пять чужих работ.

Он хотел возразить, но вспомнил слова Лиды у калитки.

— Место в вашем автопарке до какого числа держат?

— До среды. Начальник хочет ответ. Ты правда рассматриваешь?

Михаил смотрел на автобус по другую сторону моста.

— Рассматриваю.

— Тогда приезжай завтра. Посмотришь квартиру, гараж, маршрут. Я смену поменяю.

— Завтра не могу.

— Почему?

Он чуть не сказал: потому что в понедельник инженер осматривает служебный мостик. Но осмотр был в понедельник, а завтра оставалось свободным. Можно было уехать утром и вернуться вечером. Дорога до краевого центра занимала два часа в одну сторону.

— Нужно родителей собрать, — сказал он.

— Родителей одиннадцать детей?

— Семей меньше.

— Тем более соберутся без тебя.

— Аня.

— Я не ругаюсь. Я пытаюсь понять, ты хочешь переехать или хочешь иметь возможность когда-нибудь переехать.

Михаил не нашёл ответа.

— Позвони вечером, — сказала дочь. — Только правда позвони. Не после того, как все уснут.

Связь оборвалась. Он ещё немного постоял у блоков, потом пошёл вверх. От моста до дома Лиды было семь минут взрослым шагом. До водомерного поста — ещё десять. Если служебный мостик признают годным, путь детей станет короче и безопаснее верхней тропы. Но взрослый всё равно должен был прийти раньше, открыть калитку, собрать отставших, провести группу, посадить в автобус и вечером сделать всё в обратном порядке.

Пятнадцать минут пешком существовали только для человека, который начал считать в удобном месте и закончил прежде, чем кому-нибудь понадобилась помощь. Настоящая дорога занимала почти час. А иногда — целую жизнь одного человека, если остальные привыкали, что он всегда придёт первым.

Глава 3. Автобус по ту сторону

В понедельник в семь сорок две у водомерного поста было темнее, чем на всей Старой улице. Фонарь над калиткой не горел, река под мостиком шла густо и ровно, а на гравии белели три прямоугольника инея — там ночью стояли машины. Михаил поставил свою легковую «Ладу» поперёк кармана, включил аварийку и вышел с термосом. До приезда инженера оставалось три минуты.

Он приехал не на автобусе. ПАЗ уже вывели из гаража по новому временному расписанию: до восьми водитель должен был забрать детей из Верхних садов и доставить их в школу. Старую улицу из путевого листа убрали одной строкой. Михаил увидел исправление ещё в диспетчерской — синий штамп, подпись Виктора Петровича и восемнадцать свободных минут между рейсами. Свободными они были только на бумаге.

Лида пришла снизу в рабочей куртке, с рулеткой и налобным фонарём. Следом за ней поднялся Роман Грицай. Он нёс связку новых досок на плече, хотя никто не разрешал ничего менять.

— Унеси в машину, — сказал Михаил.

— А если инженер скажет, что две доски плохие?

— Тогда он напишет, что две доски плохие. Потом гидрослужба их заменит.

— К майским праздникам.

— Если сейчас полезешь сам, он напишет, что мостик трогали до осмотра.

Роман посмотрел на Лиду. Та кивнула в сторону «Нивы».

— Убери. Миша прав.

— Странное утро, — проворчал Роман. — Двое против моей помощи.

В семь пятьдесят подъехала белая машина гидрослужбы. Из неё вышли пожилой инженер в оранжевом жилете и молодой парень с ящиком приборов. Инженер представился Николаем Сергеевичем, проверил номер поста на табличке и первым делом спросил, кто открыл внешнюю цепь.

— Никто, — ответил Трегубов, подходя от дороги. — Ключ у вас.

Николай Сергеевич осмотрел пломбу и только после этого достал ключ. Михаил заметил, что Трегубов пришёл без обычной папки, зато в резиновых сапогах. Значит, субботний обход чему-то его научил.

Калитка открылась с сухим скрипом. Инженер попросил всех остаться снаружи, провёл ладонью по перилам, наклонился над креплениями, затем шагнул на настил. Молодой парень пошёл следом и постукивал маленьким молотком по металлу. Звук уходил под воду. В одном месте Николай Сергеевич присел, вытащил нож и поддел им край доски.

— Вот эта под замену. И соседняя. Несущие целы. Перила держат.

Роман многозначительно посмотрел на свою машину.

— Не сейчас, — сказала Лида.

Инженер дошёл до другого берега, проверил площадку перед калиткой и вернулся. На всё ушло двадцать семь минут. Потом он долго фотографировал крепления, номер поста, замок и подходы с обеих сторон. Михаил терпеливо ждал. Он понимал: если чего-то не будет на снимке, потом окажется, что этого не было вовсе.

— Для работников поста проход допустим, — сказал Николай Сергеевич. — Для организованной группы детей — после замены двух досок, противоскользящих полос и освещения обоих входов. Одновременно не больше восьми человек. Взрослый впереди, взрослый замыкает. В гололёд закрывать.

— Сегодня пройти нельзя? — спросил Михаил.

— Сегодня доски заменим. Полосы есть в машине. Свет — не наша работа.

Трегубов посмотрел на тёмный фонарь.

— Электрик городских сетей будет после обеда.

— А вечером дети? — спросила Лида.

— Сегодня они на дистанционных заданиях, — ответил Трегубов. — Если всё будет готово, завтра запускаем временную схему.

— Кто сопровождает? — спросил Михаил.

Трегубов задержался с ответом на долю секунды. Этого хватило.

— Управление образования направит сотрудника школы утром.

— Одного?

— Пока одного.

— В заключении только что сказали: взрослый впереди и взрослый замыкает.

— Второго должен обеспечить ответственный за детей до места посадки.

— Кто это?

— Родители.

Роман тихо усмехнулся.

— Родители — хорошая должность. Зарплаты нет, графика нет, а отвечают всегда.

Трегубов повернулся к нему.

— Есть другой вариант: не открывать проход, пока школа не найдёт двух сотрудников.

— И сколько искать?

— Я не заведу школу.

— А мы не заведем мостами.

Лида встала между ними, хотя никто не повышал голоса.

— До завтра один взрослый от школы и один от улицы найдутся. Вопрос в том, что будет через неделю.

— Временная схема действует десять рабочих дней, — сказал Трегубов. — За это время управление обязано предложить постоянное решение.

Михаил посмотрел на закрытый автомобильный мост ниже по реке. Пять лет назад временными были вагончики для отселённых, выплаты за испорченную мебель и щебень вместо смытого асфальта. Вагончики давно увезли, выплаты закончились, а щебень каждую весну уходил в Каменку. У временных решений в Липовом Перевале была особая выносливость.

— Запишите в схеме двух взрослых, — сказал он. — Поимённо на каждый день. Не «родители», а кто именно.

— Запишем ответственных, — сказал Трегубов.

— И время открытия калитки. Чтобы дети не ждали снаружи.

— Калитку будет открывать работник поста.

Николай Сергеевич покачал головой.

— Работника здесь нет. Пост автоматический. Можем выдать ключ по акту одному ответственному от города. Каждый проход записывать в журнал.

Трегубов снова полез за телефоном.

Пока он звонил, Роман всё-таки принёс доски. Николай Сергеевич сравнил их с теми, что лежали в кузове гидрослужбы, и выбрал служебные: они были пропитаны и имели нужную толщину. Роман не обиделся. Он подал инструмент и держал старую доску, когда её снимали. К половине десятого мостик пах свежим деревом и резиной противоскользящих полос.

Михаил опоздал к своему рейсу на девять минут. Виктор Петрович встретил его у гаража, не заходя в диспетчерскую.

— Ты где был?

— На осмотре мостика. Я предупреждал.

— Предупреждал, что придёшь к семи сорока пяти. Не предупреждал, что будешь там до десяти.

— Инженер опоздал.

— Инженер в нашем штате?

— Нет.

— Тогда почему его опоздание стало моим?

Михаил открыл дверцу ПАЗа. В салоне было холодно, стёкла затянуло изнутри.

— Потому что завтра детей нужно забрать оттуда.

— Завтра. А сегодня у тебя Верхние сады и обеденный развоз.

— Девять минут нагону.

— Не нагонишь. Нагонять тебе запрещено так же, как ездить через тот мост. Поедешь по графику, школа получит сообщение об опоздании.

Михаил поставил подпись в путевом листе. Виктор Петрович был прав, и от этого спорить хотелось сильнее.

— Завтра автобус надо подать к водомерному посту в семь пятьдесят.

— Вижу расписание. Кто переведёт детей?

— Завуч и кто-то из родителей.

— Ты?

— Я водитель.

— Вот и будь водителем. Машину у кармана не бросать, за детьми не ходить. Двигатель не глушить, пока они не сели. Там уклон и сырость.

Михаил кивнул. Слова были разумные. Только произнести их родителям должен был он.

Вечером собрались во дворе у Лиды. Пришли семь семей из девяти: у Савельевых отец был на смене, мать оставалась с младенцем; у Игнатовых бабушка не ходила после операции, а мать работала в пекарне с пяти утра. Ирина Борисовна принесла лист временной схемы. В нём были нарисованы две стрелки через Каменку, поставлены времена 7:38 и 14:25 и оставлены пустые строки для сопровождающих.

— Утром от школы пойду я, — сказала она. — Встретимся здесь, у дома Лидии Андреевны, без десяти семь. В семь ровно выходим к посту.

— Зачем так рано? — спросил отец Даши. — Там же десять минут.

— Если все выйдут вовремя, — ответила Лида. — Если никто не забудет сменку. Если у Кости не разойдётся молния на куртке. Если Даша не захочет в туалет после выхода.

Даша сидела на крыльце и внимательно слушала, как взрослые перечисляют её возможные несчастья.

— Я не захочу, — сказала она.

— Верим, — сказал Михаил. — Но запас нужен.

Ирина Борисовна обвела взглядом родителей.

— Нужен второй взрослый утром и два взрослых после школы. Я могу идти утром всю эту неделю. Днём у меня уроки и совещания.

— Я утром могу во вторник и четверг, — сказала Лида. — В остальные дни у меня объект с восьми.

— Я могу каждый день, — сказал Михаил.

Лида медленно повернула к нему голову.

— Ты только что говорил, что должен ждать у автобуса.

— Могу прийти раньше, перевести детей, вернуться к машине.

— А автобус кто подаст?

— Подам в семь сорок, оставлю у кармана и встречу группу на этой стороне.

— Так нельзя, — сказала Ирина Борисовна. — В распоряжении водитель остаётся с транспортом.

— Тогда приду пешком, переведу, потом вернусь в гараж и подам автобус.

Роман присвистнул.

- Это во сколько тебе вставать?
- Неважно.
- Значит, очень рано.

Михаил взял лист у завуча. От его дома до поста было двадцать минут. От поста до гаража — ещё двадцать пять на машине, если не стоять у железнодорожного переезда. Чтобы пройти с детьми и успеть подать ПАЗ, ему пришлось бы оставить свою машину у дальнего берега накануне или просить кого-то отвозить его после прохода. На листе эта сложность помещалась в пустой строке.

- Я отвезу тебя в гараж, — сказал Роман. — Утром всё равно еду на базу.
- Во сколько у тебя смена?
- В восемь.
- Не успеешь.
- Разок опоздаю.

— Вот это и есть цена, — сказала Лида. — Один раз Миша встал раньше, один раз Роман опоздал, один раз я отменила заказ. А через неделю выяснится, что у всех работа, кроме нас с Ириной Борисовной.

Во дворе стало тихо. В окне кухни кипел чайник, стекло запотело. Рядом с калиткой лежали детские ботинки, которые Лида вымыла после субботнего обхода. Вещи делали спор неловким: ради них вроде бы не жалко было часа, но часы складывались в чью-то зарплату, сон и обещания другим людям.

- Давайте запишем по дням, — сказала мать Кости.

— Я и есть мать Кости, — напомнила Лида, и все засмеялись чуть громче, чем требовалось.

Список составили на три дня. Утром во вторник шли Ирина Борисовна и Лида. В среду — завуч и Роман, который договорился с напарником поменяться грузками. В четверг — Ирина Борисовна и отец Даши. Дневной переход во вторник брали Зоя Михайловна и Лида, хотя Зоя после осыпи хромала. В среду обещала прийти мать близнецов Савельевых с коляской. Михаил вычеркнул её фамилию.

- Через мостик с коляской нельзя. И вы не сможете держать близнецов за руки.
- Тогда кто?

Никто не ответил.

— Во вторник увидим, сколько занимает путь, — сказала Ирина Борисовна. — Завтра после школы пойду сама.

- У вас педсовет, — напомнил Михаил.
- Перенесут.
- Из-за одиннадцати детей?
- Из-за одиннадцати учеников, — поправила она.

Первое утро началось не с автобуса, а с чужих будильников. В доме Лиды свет зажёгся в шесть десять. У Грицаев — в шесть двадцать. Зоя Михайловна поставила на плиту большую кастрюлю воды, хотя её никто не просил. К половине седьмого на крыльце у Лиды стояли одиннадцать рюкзаков, два термоса и пакет с запасными носками.

Михаил пришёл посмотреть, как собирается группа. Он сказал Виктору Петровичу, что проверит подъезд к карману до выезда, но на самом деле хотел убедиться, что никто не останется за дверью. Оставаться на переход он не собирался.

Даша пришла первой. За ней Костя, близнецы Савельевы и трое старшеклассников, которым было неловко стоять в строю. Последним привели второклассника Федю Игнатова. Его мать была в белом пекарском халате под расстёгнутым пальто. На рукаве темнело пятно муки.

- Начальница отпустила на десять минут, — сказала она. — Я потом час отработаю.
- Не надо было бежать, — ответила Ирина Борисовна. — Мы бы зашли.

— А кто знает, во сколько заходить? Вчера сказали без десяти семь, потом в семь. Он с пяти проснулся и спрашивал.

Федя смотрел на мостовые сапоги Михаила.

— Автобус будет?

— Будет. Только по другую сторону реки.

— А это всё ещё наш автобус?

— Ваш.

Михаил произнёс это уверенно, хотя уже не знал, что делает автобус своим: номер маршрута, привычный водитель или возможность подойти к дому.

В семь ноль две группа вышла. Ирина Борисовна шла впереди, Лида замыкала. Михаил дошёл с ними до нижнего поворота и остановился.

— Дальше сами, — сказал он.

Лида улыбнулась.

— Учишься.

— У меня автобус.

— Вот именно.

Он вернулся к машине и поехал в гараж. На переезде загорелся красный. Товарный состав тянулся медленно, вагон за вагоном, и Михаил смотрел на часы. Семь двадцать три. Семь двадцать шесть. В семь двадцать девять шлагбаум поднялся. Он не превысил скорость, хотя нога сама давила на педаль.

ПАЗ стоял прогретый. Механик уже расписался, Виктор Петрович держал путевой лист.

— Семь тридцать семь, — сказал он. — Выхать должен был в тридцать пять.

— Две минуты.

— Они каждый день будут расти?

— Нет.

Михаил не знал, почему ответил именно так.

К водомерному посту он подъехал в семь пятьдесят две. Гравийный карман был рассчитан на грузовую машину гидрослужбы, но для ПАЗа оказался тесным. Пришлось сдать назад, выровнять колёса и остановиться почти вплотную к ограде. Дверь выходила к сетке. Михаил снова завёл двигатель, переставил автобус на полметра и расставил два конуса. Трегубов обещал временный знак, но знак не привезли.

Группы не было.

Михаил видел дальнюю калитку через реку. Фонарь над ней теперь горел даже при дневном свете. В семь пятьдесят пять появились Ирина Борисовна и трое старших. За ними шли младшие, потом Лида. Они остановились перед мостиком и разделились: сначала восемь человек, остальные ждали. Всё было правильно. Именно поэтому путь занял дольше.

Первую группу Ирина Борисовна перевела за две минуты. Посадила детей у ограды и вернулась. Михаил не мог уйти от автобуса навстречу. Он стоял у открытой двери и считал головы.

Во второй группе Даша испугалась воды. В субботу она переходила ручей по камням, но здесь река была видна сквозь щели настила. Девочка прижалась к перилам и перестала идти. Лида присела рядом. Слова уносило течением, Михаил их не слышал.

Он посмотрел на часы. До звонка оставалось двадцать четыре минуты. До школы по нормальной дороге — шестнадцать. Можно было ещё успеть, если посадка займёт минуту. Но за Дашей стояли четверо детей, а навстречу уже возвращалась Ирина Борисовна.

Михаил поднялся на первую ступень автобуса и остался там. Если пойти к мосту, он бросит машину. Если подать сигнал, напугает девочку ещё сильнее. Он мог только ждать.

Даша сделала шаг. Потом ещё один. Лида не тянула её за руку, а шла рядом, показывая, куда ставить ноги. В семь пятьдесят девять они вышли за калитку.

— Все? — спросил Михаил.

— Одиннадцать, — ответила Ирина Борисовна.

— По местам. Рюкзаки под сиденье, проход не занимать.

Дети сели быстрее обычного. Лида осталась снаружи, запыхавшаяся, с красными от холода руками.

— После школы в два двадцать пять, — сказала она.

— Буду.

— Ирина Борисовна тоже.

— А завтра?

— Завтра решим вечером.

Михаил закрыл дверь. До школы они доехали без опоздания: дежурная учительница придержала входную дверь, а звонок прозвенел, когда последние двое спрыгнули со ступеньки. Для отчёта первый рейс прошёл успешно.

В салоне остались следы мокрых подошв и пакет с запасными носками. Михаил поднял его и увидел на боку фломастером написанное имя Даши. Он положил пакет на приборную панель, чтобы не забыть вечером.

Телефон коротко завибрировал. Сообщение от Ани: «Сегодня последний день. Что ответить про работу?»

Он прочитал и убрал телефон. Потом отвёз автобус на следующий рейс, вернулся в гараж, заполнил журнал, объяснил две минуты утреннего опоздания и отсутствие знака у кармана. К обеду ему позвонил Трегубов: знак поставят завтра, схема действует десять дней, ключ от калитки должен храниться у школы. Михаил спросил, кто сегодня принесёт ключ на обратный переход. На том конце провода стало тихо.

Ключ лежал в кармане Ирины Борисовны, а она после четвёртого урока уехала с учеником в травмпункт. Ничего тяжёлого — мальчик рассёк бровь на физкультуре, но вернуться к двум она не успевала.

— Запасной ключ есть у гидрослужбы, — сказал Трегубов.

— Она на другом конце города.

— Я привезу.

— К двум двадцати пяти?

— Постараюсь.

— Павел Аркадьевич, детям нельзя стоять у закрытой калитки.

— Я понимаю.

Михаил хотел сказать, что понимание не открывает замок. Но Трегубов уже отключился.

В два двадцать автобус стоял в кармане. Рядом ждала Лида. С противоположного берега подошли дети с учительницей начальных классов, которую Михаил не знал. Она развела руками и показала на калитку: закрыто.

Трегубова не было.

Михаил позвонил ему один раз, второй. На третий чиновник ответил, тяжело дыша.

— Еду. На площади авария, перекрыли улицу.

— Сколько?

— Минут семь.

Дождь начался без предупреждения, мелкий и холодный. Дети на том берегу натянули капюшоны. Учительница прижала к себе Дашу. Михаил достал из автобуса аварийный жилет и подошёл к ограде, но перейти не мог. Между ними было двадцать метров мостика и один отсутствующий ключ.

Лида посмотрела на него.

— Не лезь через сетку.

— Я не собирался.

— Собирался.

— Там дети под дождём.

— Если полезешь, завтра мостик снова закроют.

Он сжал в руке жилет. На другом берегу Федя махал ему, будто всё происходящее было частью игры. Михаил поднял руку в ответ.

Трегубов приехал через одиннадцать минут. Машину бросил у дороги, пробежал по гравии и сам открыл калитку. Галстук выбился из-под куртки, волосы намокли. Он не оправдывался. Перешёл первым, впустил группу и остался замыкающим, как было написано в заключении.

Когда все сели, Михаил подал ему пакет Дашиных носков.

— Пусть переоденется.

Трегубов взял пакет и посмотрел на часы.

— Завтра сделаем три ключа.

— И журнал у обеих калиток.

— Один журнал должен храниться у ответственного.

— Тогда ответственный будет бегать вместе с ним. Положите по журналу в ящики, а вечером сверяйте.

— Это не предусмотрено формой.

Михаил открыл рот, но Трегубов поднял ладонь.

— Я придумаю, как оформить.

Вечером на Старой улице свет зажёгся раньше обычного. Родители снова собрались у Лиды, чтобы распределить среду. Теперь они говорили не о десяти минутах до мостика, а о ключах, двух переходах, запасной одежде, времени у каждого дома и том, кто встречает ребёнка, если автобус задержится. Временная схема за один день обросла чайником, фонарями, списками телефонов и чужими отработками.

Михаил сидел на краю крыльца и наконец ответил Ане: «Не соглашайся за меня. Я сам позвоню утром».

Она перезвонила сразу.

— Это да или нет?

— Это просьба дать мне ночь.

— Пап, у тебя была неделя.

— Я знаю.

— Место уйдёт.

— Знаю.

— Ты опять выбираешь их?

Он посмотрел во двор. Роман крепил фонарь к длинной рейке, Зоя Михайловна подписывала стаканы детскими именами, Лида перечёркивала расписание и составляла новое. Никто не выглядел спасённым. Все выглядели уставшими.

— Я пока ничего не выбрал, — сказал Михаил. — Сегодня мы только перевели автобус на другую сторону.

— Для тебя это никогда не бывает только автобус.

Аня отключилась первой.

Михаил положил телефон экраном вниз. Первый рейс состоялся. Ни один запрет он не нарушил, дети попали в школу, мостик выдержал, отчёт можно было закрыть словом «выполнено». Но автобус оказался по ту сторону не только реки. Между водительским креслом и одиннадцатью детьми теперь стояли два ключа, четыре взрослых, чужая смена в пекарне, перенесённый педсовет и ответ дочери, который нельзя было откладывать бесконечно.

На следующее утро вся улица должна была проснуться ещё раньше.

Глава 4. Улица просыпается раньше

В среду Старая улица проснулась в половине шестого, хотя первый будильник зазвонил только в шесть. Разбудил её генератор у дома Грицаев. Роман проверял переносной прожектор, который собирался поставить на нижнем повороте, и дважды дёрнул шнур слишком сильно. Мотор кашлянул, загудел, свет ударил по мокрым заборам. В трёх окнах одновременно ото-двинулись занавески.

— Выключи, — крикнула Лида через дорогу. — Детей перебудишь.

— Им всё равно вставать.

— Через полчаса.

— Так пусть привыкают.

— К чему, к лесоповалу?

Роман заглушил генератор. Тишина вернулась не сразу: залаяла собака, заплакал ребёнок у Савельевых, хлопнула форточка. Улица уже не заснула.

Михаил слышал всё это из своей кухни. Он пришёл домой поздно, уснул в одежде на диване и проснулся в пять двадцать без будильника. На столе лежал телефон. Ночью Аня прислала адрес автопарка и фамилию начальника, больше ничего. В восемь утра Михаил должен был позвонить и сказать, выходит ли он со следующего месяца.

Он налил вчерашний чай, выпил холодным и вышел во двор. Дом стоял выше остальных, поэтому отсюда были видны отдельные огни до самой реки. Раньше в этот час горело два окна: у пекарши Игнатовой и у Зои Михайловны, которая вставала от боли в колене. Теперь свет тянулся вниз цепочкой.

У калитки стояла картонная коробка. В ней лежали четыре карманных фонаря, упаковка батареек и записка: «Для детей. От дома 18». Михаил знал дом восемнадцать. Там жили Савины, пожилая пара без детей. Николай Савин после наводнения почти не выходил со двора, а его жена выращивала лук на продажу.

Михаил занёс коробку в дом и написал Лиде. Она ответила сразу: «Неси к клубу. Там сбор вещей».

Заброшенный клуб стоял посередине улицы, в двухэтажном доме с заколоченными окнами второго этажа. После воды в нём хранили гуманитарную помощь, потом сушили мебель, потом город повесил замок. Крыльцо осталось открытым. На перилах уже висели три детских дождевика, под навесом стояли термосы и ящик с бахилами. На дверях кнопками прикрепили лист бумаги.

«Среда. Утро: Роман, Ирина Борисовна. После школы: Лида, Зоя Михайловна. Чай: дом 7. Фонарь у мостика: дом 23. Запасная одежда: у Лиды».

Ниже другим почерком было добавлено: «Ключи: школа, Трегубов, Лида».

Михаил поставил коробку на крыльцо. Вышла Зоя Михайловна с кастрюлей, укутанной старым одеялом.

— Куда это?

— Чай.

— Здесь оставите?

— Лида сказала, утром тут будет сбор. Я думала, дети у неё во дворе, а там тесно и младший Савельевых спит.

— Клуб закрыт.

— Крыльцо открыто.

Она поставила кастрюлю на скамью и начала раскладывать кружки. На каждой была полоска бумажного скотча с именем. Михаил узнал те самые стаканы, которые видел вчера, только теперь Зоя заменила их металлическими кружками из запасов клуба.

— Вы откуда их взяли?

— Из дома принесла.

— У вас столько одинаковых кружек?

— После воды выдавали. Двадцать четыре штуки. Зачем мне двадцать четыре, никто не спросил.

Она разливала чай осторожно, обеими руками держала половник. Хромала сильнее, чем в субботу.

— Вам сегодня после школы идти нельзя, — сказал Михаил.

— Это почему?

— Нога.

— Нога моя.

— Мостик скользкий.

— Полосы вчера приклеили.

— Всё равно.

Зоя выпрямилась.

— Ты меня вычеркнешь, а кого впишешь?

Михаил посмотрел на лист. Строка после школы уже была заполнена. Если убрать Зою, оставалась одна Лида.

— Я найду.

— К восьми утра?

— К двум.

— Иди ищи. Только мою фамилию не трогай, пока не нашёл.

Она протянула ему кружку без имени. Чай был сладкий, с сушёной смородиной. Михаил пил и смотрел, как к клубу подходят люди. Отец Даши принёс складной стул. Савина — пакет шерстяных носков. Подросток из дома у ручья протянул удлинитель, хотя электричества на крыльце не было. Каждый приносил то, что лежало дома, и почти никто не спрашивал, нужно ли это.

Лида появилась без пяти семь. Она держала папку с прозрачными файлами.

— Что это?

— Нормальное расписание. По одному листу на день. Телефоны родителей, кто забирает, у кого аллергия, кто может идти сам.

— Детские данные на крыльце не оставляй.

— Не оставлю. Будет у сопровождающего.

— А если сопровождающий сменится?

— Передаст.

— А если не придёт?

Лида закрыла папку.

— Миша, шесть утра. Давай хотя бы до семи не искать, что ещё сломается.

Он хотел ответить, что именно в шесть надо искать. Потом увидел тёмные круги под её глазами.

— Ты спала?

— Часа четыре.

— Почему?

— Костя вспомнил в одиннадцать, что ему нужен доклад по окружающему миру. Потом Савельевы позвонили, у близнеца температура. Потом я делала этот лист.

— Сегодня на объект?

— На восемь тридцать.

— Успеешь?

— Если ты не будешь меня опрашивать.

Она улыбнулась, но только на мгновение. Потом стала встречать детей и отмечать их в списке. Близнецов не было — остались дома. Значит, через мостик пойдут девять школьников.

Роман явился в семь ноль одну, с прожектором под мышкой.

— Ты сопровождающий, — сказала Лида. — Зачем тебе эта штука?

— На повороте темно.

— Её кто будет охранять?

— Никто не украдёт.

— А бензин?

— На два часа хватит.

— Нам надо на пятнадцать минут.

Они спорили тихо, но Михаил услышал в голосе Лиды раздражение. Роман хотел сделать видимую работу: поставить свет, завести мотор, принести доски. Лиде доставались фамилии, время, запасные носки и звонки тем, кто опаздывал. Вчера это казалось естественным. Сегодня стало заметно.

— Прожектор оставь, — сказал Михаил. — Возьми фонари от Савиных. Один себе, второй ребёнку в конце группы.

Роман послушался. Лида взглянула на Михаила с благодарностью, от которой ему стало неловко: он всего лишь сказал вслух очевидное.

Группа ушла в семь семь. Михаил проводил их взглядом и поехал в гараж. На этот раз переезд был открыт. Он прибыл за семь минут до выезда, проверил колёса, свет и дверь. Виктор Петрович молча поставил подпись.

— Сегодня вовремя, — сказал Михаил.

— Так и должно быть.

— Вчера вы спрашивали, будут ли минуты расти.

— Я много чего спрашиваю. Не жду отчёта на каждый вопрос.

Он отдал путевой лист, но Михаил не уходил.

— Можно закрепить за рейсом сопровождающего из автопарка?

— Кого?

— Кондуктора. Дежурного. Любого второго сотрудника.

— У нас нет кондукторов. Дежурный механик не имеет права оставлять гараж. Водитель отвечает за машину.

— Значит, школа.

— Значит, школа. Не тащи улицу сюда, Миша. Мы дали автобус и изменили маршрут за сутки. Это наша работа, мы её сделали.

Слова задели именно потому, что были правдой. Михаил сел за руль и выехал.

У кармана появился синий знак на временной стойке. Под ним белела табличка «Школьный автобус». Гравий разровняли, у ограды поставили пластиковый ящик для журнала. Трегубов выполнил обещанное быстрее, чем ожидали.

Дети пришли без задержки. Роман перевёл первую группу, Ирина Борисовна — вторую. Костя нёс фонарь и выключил его только у двери автобуса.

— Сегодня лучше? — спросил Михаил.

— Сегодня Дашка не боялась, — ответил он. — Мы ей не дали смотреть вниз.

— Не «не дали». Она сама выбрала смотреть вперёд.

Костя пожал плечами.

— Всё равно сработало.

После посадки Роман заглянул в кабину.

— Отвезёшь вечером два мешка щебня?

— Куда?

— На подход к мостику. Там лужа.

- В салоне детей?
- После рейса.
- ПАЗ не грузовик.
- Два мешка.
- В машине Лиды отвези.
- Она сказала, у неё инструмент.
- Тогда на своей.
- Роман нахмурился.
- Я свою на базе оставляю.
- Значит, вечером.
- Всё у тебя «значит». Ты придумал мостик, а теперь как будто ни при чём.
- Михаил закрыл дверь не сразу.
- Я при чём. Но детей со щебнем не повезу и автобус грузить не буду.
- Можно было просто сказать.
- Я и сказал.

Роман отошёл. В зеркало Михаил видел, как он пнул край гравийной колеи. Первое утро все благодарили за автобус. На второе уже появились работы, которые автобус, по общему ощущению, должен был решить сам.

В восемь ноль три Михаил остановился у школы. Пока дети выходили, телефон в кармане вибрировал. Он подождал, пока салон опустеет, и перезвонил.

Начальника краевого автопарка звали Константин Львович. Голос у него был спокойный, будто ответ не имел значения.

— Михаил Андреевич, место держим до обеда. Дочь ваша просила. Но мне нужен человек, который выйдет первого числа, а не будет решать ещё месяц.

— Первого выйду, если соглашусь.

— У нас городской маршрут, техника новая, зарплата выше вашей процентов на двадцать. Комната в общежитии на три месяца. Дальше сами.

— Я видел условия.

— Тогда в чём вопрос?

Михаил посмотрел через лобовое стекло. Костя бежал к крыльцу, размахивая папкой. Ирина Борисовна остановила его и заставила вернуться за шапкой, оставленной в автобусе.

— Нужно закончить передачу маршрута.

— Какого маршрута?

— Школьного.

— За две недели передадите. У вас отпуск есть?

— Есть.

— Вот и всё. До двенадцати жду звонка.

Михаил сказал «хорошо», хотя ничего хорошего в сроке до двенадцати не было.

На обеденном рейсе он увидел Зою Михайловну у магазина. Она несла два пакета и опиралась на зонт, как на трость. Михаил остановился, хотя остановки там не было.

— Садитесь.

— Мне два дома.

— Садитесь.

Она поднялась в пустой автобус и положила пакеты на сиденье.

— Узнал, кто вместо меня пойдёт?

— Пока нет.

— Тогда что командовал утром?

— Я не командовал.

— А звучало похоже.

Михаил тронулся медленно. Зоя смотрела в окно.

— После воды тоже так было, — сказала она. — Мужчины носили шкафы и фотографировались у мешков. Женщины записывали, кому лекарства, кто без документов, у кого ребёнок ночью мочится от страха. Потом написали: жители сообща справились.

— Сейчас не наводнение.

— Поэтому всё тише. И заметить труднее.

— Вам не надо идти с больной ногой.

— Не надо. Но если я не пойду, пойдёт Лида. У неё объект. Если Лида не пойдёт, Ирина Борисовна отменит урок. У неё зарплата. А ты встанешь у моста и бросишь автобус, хотя тебе запретили. Выбирай, чья потеря тебе нравится.

Михаил остановился у её калитки.

— Никакая.

— Тогда не ищи одного заменяющего. Сделай так, чтобы не ходить каждый день одним и тем же.

Она спустилась, отказавшись от помощи, и понесла пакеты к дому.

В одиннадцать сорок Аня прислала одно слово: «Ну?»

Михаил не ответил. До полудня оставалось двадцать минут. Он мог согласиться, подать заявление и всё равно две недели водить школьный маршрут. За это время временная схема либо закончится, либо превратится в другую. Ничто не требовало оставаться навсегда. Но внутри соглашение уже звучало как уход в тот момент, когда улица стала вставать в темноте.

Он набрал номер Константина Львовича в одиннадцать пятьдесят семь.

— Я не смогу выйти первого числа.

— Понял. Причину записывать не надо. Если что-то изменится, звоните, но место обещать не буду.

— Спасибо.

Разговор занял двадцать секунд. Михаил сидел в кабине и чувствовал не облегчение, а пустоту, будто автобус отъехал от остановки без него.

Ане он написал: «Отказался. Вечером объясню».

Ответ пришёл через минуту: «Не надо объяснять. Я поняла».

К двум часам дождь прекратился, но доски мостика блестели. Михаил подал автобус заранее. Трегубов привёз два новых ключа и пластиковые журналы в водостойких обложках. Один ключ получила школа, второй Лида, третий остался в управлении. Зоя Михайловна пришла за десять минут до детей.

— Я медленно, но дойду, — сказала она.

Лида была рядом, в испачканной рабочей одежде. С объекта её отпустили на полчаса, но дорога туда и обратно занимала сорок минут.

— Ты сегодня больше потеряешь, чем заработаешь, — сказал Михаил.

— Спасибо, я умею считать.

— Я не про деньги.

— А я про них. Заказчик уже спросил, почему платит за полный день.

Трегубов услышал.

— Мы можем оформить компенсацию сопровождающему через школу.

Лида рассмеялась.

— Кому? Мне сегодня, Роману утром, Зое Михайловне сейчас, отцу Даши завтра? По двадцать минут каждому?

— Должен быть один назначенный человек.

— Вот назначьте.

— Штатной единицы нет.

— Тогда не говорите про компенсацию.

Трегубов не стал спорить. Достал блокнот и записал что-то.

Дети подошли с новой сопровождающей — библиотекарем школы. Переход прошёл быстро. У дальней калитки скопилась вода, и Костя перепрыгнул лужу, забрызгав Дашины колготки. Даша толкнула его, Костя толкнул в ответ. Зоя разняла их, едва удержав равновесие.

Михаил видел это из кабины. Он вышел, когда все уже были на его стороне, и посадил детей. Лида взяла Зою под локоть.

— Всё. Завтра не идёте.

— Завтра я и не записана.

— И послезавтра.

— Там посмотрим.

Автобус поднялся по дороге. В зеркале Михаил видел, как Трегубов фотографирует лужу, а Лида ведёт Зою домой. Временная схема работала именно так: каждый дефект подхватывал живой человек раньше, чем появлялась бумага о его устранении.

После рейса Михаил не поехал домой. Он вернулся к клубу. На крыльце лежало расписание, прижатое камнем. Часть фамилий была написана Лидой, часть Ириной Борисовной. Мужские имена стояли утром в среду и четверг. Все дневные строки занимали женщины.

Михаил снял лист и пошёл по домам.

Он не просил «помочь детям». Такая просьба позволяла каждому кивнуть и надеяться, что поможет сосед. Он спрашивал точно: можете ли вы в пятницу с двух десяти до двух сорока пройти от школы через мостик; можете ли во вторник утром быть у клуба в шесть пятьдесят; готовы ли взять одну смену раз в две недели.

У дома двенадцать мужчина сказал, что работает в городе. Михаил спросил про выходные дни — оказалось, среда. У дома пятнадцать женщина отказалась из-за больной матери, но предложила готовить чай. В доме двадцать три старший брат девятиклассника мог сопровождать утром, если школа признает его взрослым; не могла, ему было семнадцать. В доме двадцать восемь жил Алексей Грачёв, пенсионер МВД, который после воды поссорился с половиной улицы и ни на какие собрания не ходил.

— Детей водить строем не умею, — сказал он.

— Не строем. Группой.

— Тем более.

— Один раз в две недели.

— В четверг могу.

— Утром или днём?

— Утром. Днём у меня процедуры.

Михаил записал.

К семи вечера у него было одиннадцать согласий. Не одиннадцать постоянных помощников, а одиннадцать отдельных промежутков времени. Вместе они закрывали неделю почти полностью.

Лида сидела на крыльце клуба с ноутбуком на коленях. Здесь ловил беспроводной интернет из её дома. Она отправляла заказчику фотографии выполненной работы, чтобы доказать, что бригада не простаивала без неё.

— Я собрал смены, — сказал Михаил.

— Покажи.

Она просмотрела список.

— Савин не сможет быстро идти.

— Поставим впереди. Замыкающим будет кто-то другой.

— Грачёв с детьми не разговаривает.

— На мостике не обязательно разговаривать.

— Старший Суворов несовершеннолетний.

— Его не вписал. Он будет приносить фонари к клубу.

Лида подняла глаза.

— Хорошо.

— Что?

— Хорошо сделал.

Михаил сел рядом.

— Почему ты сама не пошла по домам?

— Потому что у меня работа, ребёнок и ваш список. Потому что я уже два дня объясняю каждому, где ключ и во сколько сбор. Потому что если бы пошла я, половина сказала бы: «Лидочка, ну ты же всё равно там». Тебе мужчины чаще говорят точное «да» или «нет».

— Неправильно.

— Неправильно. Но это не значит, что надо притворяться, будто такого нет.

Из дома напротив вынесли ещё один термос. На нижнем повороте Роман всё-таки установил прожектор, но подключил его к таймеру, чтобы он горел только двадцать минут утром и двадцать вечером. Зоя Михайловна передала кастрюлю Савиной. Отец Даши прибил к стене клуба полку для кружек, не открывая запертой двери.

— Мы заняли крыльцо, — сказал Михаил.

— Крыльцо пустовало.

— Здание городское.

— Знаю.

— Трегубов увидит.

— Он утром проезжал. Видел термосы.

— Ничего не сказал?

— Сфотографировал.

Лида закрыла ноутбук.

— Завтра составим постоянное расписание на десять дней. Только не ты один.

— Не я один.

— И чай не должна всегда делать Зоя.

— Савина уже забрала кастрюлю.

— Тогда начало есть.

В восемь позвонила Аня. Михаил отошёл к дороге.

— Ты хотел объяснить, — сказала она.

— Хотел.

— Я слушаю.

Он посмотрел на освещённое крыльцо клуба. Вокруг стояли люди, которые ещё неделю назад просто будили детей, завтракали и закрывали за ними дверь. Теперь их утро начиналось с чужих фамилий и ключей.

— Мост закрыли. Автобус оставили на дальней стороне. Детей переводят через служебный мостик.

— И без тебя они не перейдут?

— Перейдут.

— Тогда почему ты отказался?

— Потому что не мог уехать через две недели.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Аня долго молчала.

— Пап, я не злюсь, что ты остался. Я злюсь, что ты называешь это «пока». Так легче не выбирать.

— Я выбрал. От работы отказался.

— А что выбрал вместо неё?

Михаил посмотрел на расписание в своих руках. Он мог сказать: детей, улицу, ответственность. Каждое слово звучало бы красиво и неправильно. Сегодня улицу держали не его решения, а десятки маленьких уступок. Его собственная уступка была самой крупной только для него и Ани.

— Ещё не знаю, — сказал он.

— Вот когда узнаешь, позвони.

Она отключилась. На этот раз он не почувствовал несправедливости. Дочь просила назвать не причину отказа, а жизнь, которую он собирался жить дальше. Такой строки в расписании не было.

К девяти Старая улица затихла. На крыльце клуба остались термос, фонари и лист под камнем. Михаил прошёл вниз до мостика. Новые лампы освещали калитки, середина настила лежала в тени. Река текла под ней, не замечая расписаний.

В журнале было четыре записи: утро туда, утро обратно, день туда, день обратно. Рядом с каждой стояли фамилии. Михаил добавил время проверки света и расписался как водитель маршрута. Потом закрыл ящик.

Наверх он шёл мимо тёмных домов. Улица теперь вставала раньше не потому, что все внезапно стали дружнее. Просто прежние восемнадцать минут автобуса разложили между людьми, и оказалось, что минуты имеют вес. Одни отдавали сон, другие деньги, третьи больную ногу, четвёртые возможность уехать. Если не считать этот вес, временное решение незаметно становилось обязанностью тех, кто первым согласился.

Завтра нужно было научиться считать.

Глава 5. Строго по схеме

В четверг автобус впервые пришёл раньше детей. Михаил поставил его у знака, проверил дверь и записал в журнал время прибытия. По расписанию группа должна была появиться через три минуты. Он видел фонари на другом берегу: две жёлтые точки двигались к посту, между ними шли дети.

Потом обе точки остановились.

Михаил вышел из кабины. У дальней калитки никого не было. Фонари замерли выше по тропе и повернули назад. Через минуту телефон зазвонил.

— Нас не выпускают от клуба, — сказала Лида. — Здесь Трегубов и женщина из городского имущества.

— Что значит не выпускают?

— Детей выпускают. Вещи велют убрать, крыльцо освободить. Все спорят.

— Ведите детей. Автобус ждёт.

— Я веду. Но отец Даши отказывается уходить, пока не дадут бумагу.

— Пусть остаётся один. Остальные сюда.

Михаил вернулся к двери. Через восемь минут показалась первая группа, потом вторая. Лида шла последней и несла сразу два термоса. К её рюкзаку были привязаны дождевики, под мышкой она держала коробку с кружками.

— Это всё?

— Ещё складной стул и полка. Полку отец Даши открутит.

— Почему сегодня?

— Потому что вчера Трегубов сфотографировал.

Дети садились молча. Костя спросил:

— Нас опять закроют?

— Вас никто не закрывает, — ответила Лида.

— А клуб?

— Клуб и был закрыт.

— Тогда зачем убирать чай?

Она не нашла ответа. Михаил взял у неё коробку и поставил рядом с водительским креслом.

— После школы разберёмся. Сейчас едем.

В школу они опоздали на семь минут. Михаил указал в путевом листе причину: задержка группы у пункта сбора. Формулировка была точной и всё же скрывала почти всё важное.

После рейса он позвонил Трегубову.

— Вы могли прийти после отправления детей.

— Мог. Но предписание выдали вчера, а сегодня в семь истекал срок добровольного освобождения.

— Какое предписание? Кому?

— Лидии Карповой как лицу, фактически разместившему вещи на объекте муниципальной собственности.

— Она вчера весь день была на работе.

— Копию оставили на двери её дома.

— Значит, она должна была ночью убрать термос?

— Михаил Андреевич, речь не о термосе. На аварийном объекте устроили несанкционированный пункт сбора несовершеннолетних. Если с крыльца упадёт ребёнок или обрушится козырёк, кто отвечает?

Михаил посмотрел на школьный двор. Дети расходились по кабинетам. Коробка с кружками стояла у него в проходе.

— Почему аварийный объект не огорожен?

— Вход в здание закрыт.

— Крыльцо открыто.

— Поэтому сейчас его оградят.

— И где собираться детям?

— По временной схеме они приходят к служебному мостику в сопровождении родителей.

— Они живут в разных концах улицы. Им нужна точка, где пересчитать группу.

— В утверждённой схеме такой точки нет.

— Добавьте.

— Для этого точка должна соответствовать требованиям и находиться на учтённой территории.

— Старая улица учтена.

На другом конце повисла пауза.

— Приезжайте в управление после десяти, — сказал Трегубов. — Я покажу документы.

Управление благоустройства занимало второй этаж бывшего универмага. На первом продавали телефоны, школьную форму и дешёвую посуду. Михаил поднялся по лестнице в половине одиннадцатого, пахнувший автобусной печкой и мокрой резиной. У кабинета Трегубова сидела Лида. На коленях у неё лежал прозрачный файл с предписанием.

— Ты как здесь?

— Отпросилась.

— Опять?

— Нет. Сегодня за свой счёт.

Она протянула бумагу. В тексте говорилось о немедленном прекращении доступа посторонних к объекту по адресу Старая, 14. Ни слова о кружках или детях не было.

— Дом четырнадцать — клуб? — спросил Михаил.

— Был. Теперь «нежилое строение, подлежащее обследованию».

— А что не так с крыльцом?

— Не обследовано.

— Значит, обследовать.

— Ты говоришь как человек, которому никогда не выставляли счёт за обследование.

Трегубов пригласил их внутрь. На столе лежала большая распечатка городской карты. Старая улица была выделена серым. Несколько домов обозначались пустыми прямоугольниками, остальные исчезли под голубой штриховкой зоны возможного подтопления.

— Вот действующая схема расселения, — сказал он. — После наводнения двадцать девять объектов признаны утраченными или непригодными. Собственникам предоставили выплаты либо другое жильё. Восемь объектов остались условно пригодными после ремонта. По официальным сведениям постоянно зарегистрированы семь человек, несовершеннолетних нет.

— Одиннадцать детей ездят в школу, — сказал Михаил.

— Я знаю.

— Вы сами их видели.

— Поэтому временный маршрут работает. Но утвердить место сбора на территории, где по реестру дети не проживают, я не могу одним распоряжением.

Лида наклонилась над картой.

— Мой дом где?

— Номер двадцать один?

— Да.

Трегубов указал на голубую штриховку.

— Компенсация выплачена собственнику пять лет назад. Объект числится освобождённым.

— Собственником был мой отец. Компенсации хватило на комнату в общежитии. Дом он не сносил. Я вернулась, отремонтировала первый этаж и плачу за электричество.

— Лицевой счёт открыт по технической схеме, это не подтверждает пригодность жилья.

— А налог подтверждает? Его мне начисляют.

— Налоговая база и жилищный учёт — разные системы.

— Удобно.

— Не мне.

Трегубов сказал это без раздражения. Он развернул второй лист. На нём была схема временного маршрута: автобус у водомерного поста, стрелка через мостик, подпись школы и гидрослужбы. Начало стрелки висело в пустом месте.

Михаил положил палец на карту.

— Откуда, по-вашему, приходят дети?

— По факту — со Старой улицы.

— А по бумаге?

— Родители доставляют их к месту организованного перехода.

— Из города, которого нет?

— Не передёргивайте.

— Я не умею так рисовать. У меня автобус либо приехал, либо нет. Ребёнок либо сел, либо остался.

Трегубов снял очки и протёр их салфеткой.

— Именно поэтому я остановил пункт у клуба. Временная схема получила согласования за сутки. Если мы добавим объект, который официально аварийный, схема лишится согласования полностью. Гидрослужба закроет калитку, школа запретит сопровождение, и ваши дети останутся без автобуса.

Лида откинулась на спинку стула.

— Значит, вы спасаете маршрут, делая его неудобным.

— Я не спасаю. Я держу его в пределах того, за что могу отвечать.

— А мы держим всё остальное.

— Да.

Прямой ответ лишил спор привычной опоры. Трегубов не притворялся, будто жители ничего не делают. Он просто обозначил границу своей подписи.

— Что нужно, чтобы появилась точка сбора? — спросил Михаил.

— Без клуба проще. Найти площадку вне аварийных объектов, получить согласие собственника, обеспечить освещение и безопасный подход. Но остаётся вопрос основания: почему город организует пункт для жителей территории, которая считается освобождённой.

— Потому что они там живут.

— Это нужно установить официально.

— Приезжайте и посчитайте.

— Я не миграционная служба и не жилищная комиссия.

— Кто?

Трегубов перечислил: отдел жилищного учёта, комиссия по чрезвычайным ситуациям, управление образования, опека для семей с детьми. Каждому требовались заявления, акты или запросы. Некоторые проверки могли привести не к признанию улицы, а к повторному требованию покинуть дома.

— То есть если люди скажут, что живут там, их могут выселить? — спросила Лида.

— Могут обязать не использовать аварийное жильё. Я обязан вас предупредить.

— А если не скажут?

— Тогда город не может планировать для вас услуги как для постоянных жителей.

Михаил смотрел на серую карту. Пять лет назад вода прошла по улице за одну ночь. Потом её продолжили стирать документами медленно, по одному адресу. Люди вернулись раньше, чем бумаги успели решить, существуют ли их дома. Теперь школьный автобус наткнулся не на разрушенный мост, а на этот разрыв.

— Дайте копии схем, — сказал он.

— Карта содержит сведения по собственникам.

— Тогда выписку без фамилий.

— Подготовлю.

— И список того, что нужно для законного пункта.

— Подготовлю.

— Не через месяц.

— К вечеру.

Лида поднялась.

— А сегодня утром обязательно было приходить с ограждением?

— Вчера специалист осмотрел козырёк по фотографиям и потребовал закрыть доступ.

— По фотографиям осмотрел?

— Оценил признаки повреждения. Полное обследование назначено на следующую неделю.

— Значит, крыльцо могло быть опасным.

— Могло.

— Почему вы не сказали сразу?

— Я оставил предписание.

— На двери дома, где меня не было.

Трегубов кивнул.

— Это моя ошибка. Нужно было позвонить.

Лида явно приготовилась к новому спору, но признание остановило её.

— Нужно было, — сказала она.

На улице они задержались у входа в универмаг. Лида убрала предписание в рюкзак.

— Он не врёт, — сказал Михаил.

— От этого легче?

— Нет.

— Мне тоже.

— Где собираться завтра?

— У меня во дворе опять.

— Там младший Савельевых спит.

— Будем тихо.

— Дождь обещали.

— Навес есть.

— Тесно.

Лида посмотрела на него.

— Миша, ты сейчас перечисляешь причины, почему нам был нужен клуб. Я их знаю.

— За домом восемнадцать есть широкая площадка.

— Савины согласятся?

— Спрошу.

— Частный двор как официальный пункт не пройдёт.

— Завтра нужен не официальный, а сухой.

— Вот так временное и становится вечным.

Он узнал собственные слова, сказанные у мостика. Лида тоже узнала и впервые за утро улыбнулась.

Днём детей встречали не у клуба, а прямо у нижнего поворота. Термосы стояли на садовой тележке, кружки — в коробке под полиэтиленом. Начался дождь. Даша пролила чай на рукав, Костя уронил фонарь в грязь, двое старших ушли вперёд, решив, что сопровождение им не нужно. Зоя Михайловна вернула их одним окриком.

— Здесь не лагерь, — сказала Лида, когда Михаил подошёл. — Каждый день новое место, новые правила.

— Завтра будет площадка у Савиных.

— Уже спросил?

— Да. Разрешили на три утра.

— Почему на три?

— Николай Савин боится, что потом город скажет, будто он устроил остановку на своём участке.

— Разумный человек.

Дети прошли мостик. Михаил вернулся к автобусу. У временного знака стояла женщина из городского имущества и фотографировала карман.

— Здесь тоже что-то не так? — спросил он.

— Проверяю размещение на муниципальной земле.

— Знак поставило управление.

— Управление благоустройства. Земля относится к имущественному отделу.

— Они у вас в одном здании.

— В разных кабинетах.

Она измерила расстояние от стойки до ограды.

— Знак временный, согласование есть. Вопрос к площадке: часть автобуса при развороте заходит на полосу гидрослужбы.

— Вчера не заходила.

— Следы колёс показывают обратное.

Михаил посмотрел на гравий. Следов было много: машина инженера, автомобиль Трегубова, «Нива» Романа, его ПАЗ. Определить, чьи колёса пересекли невидимую полосу, он не мог.

— Если запретите разворот, автобус не придёт.

— Я ничего не запрещаю. Фиксирую.

— А потом?

— Направлю запрос.

— Кому?

— Собственнику участка.

— Гидрослужбе, которая уже согласовала мостик?

— Мостик. Не движение автобуса по их земле.

Дети в салоне притихли. Они слышали разговор. Михаил закрыл дверь и попросил женщину отойти от колеса. Развернулся медленно, стараясь не пересечь линию, которой не видел. Пришлось подать назад дважды. Автобус встал поперёк дороги, легковая машина ждала, водитель сигналил.

В гараже Михаил попросил у Виктора Петровича копию схемы подъезда к карману.

— Нет у меня схемы подъезда, — сказал тот. — Есть маршрут до временного знака.

— А разворот?

— На месте по безопасности.

— На месте полоса гидрослужбы.

— Вчера не было?

— Была. Сегодня измерили.

Виктор Петрович снял кепку, потёр лоб.

— С завтрашнего дня отправлю малый автобус.

— У нас малый на ремонте.

— Значит, сниму с другого маршрута.

— Там тоже дети.

— Вот поэтому я не люблю временные схемы. Все радуются, что быстро согласовали, а потом оказывается, что автобус должен висеть над землёй.

— ПАЗ помещается, если перенести знак на два метра.

— Пусть переносят. До письменного подтверждения ты туда не едешь.

— Завтра утром?

— Если бумаги не будет — остановишься у лесного поворота.

От лесного поворота до мостика было ещё девять минут по дороге без обочины.

— Там детям идти опаснее.

— Тогда рейса не будет.

Михаил почувствовал знакомое желание сказать: я всё равно поеду. Оно поднялось быстро, почти раньше мысли. Он представил ПАЗ в кармане, женщину с рулеткой, след колеса за невидимой границей и отчёт после любого происшествия. Виктор Петрович отвечал бы вместе с ним.

— До утра подтверждение будет, — сказал Михаил.

— Не обещай за чужих.

— Добьюсь.

— Это тоже обещание за чужих.

К вечеру на крыльце клуба появилась металлическая сетка. Термосы перенесли к Савиным. Отец Даши прикрутил снятую полку к их сараю, но Николай Савин попросил не сверлить стену, и полку поставили на ящики. Дождь усилился. Под навесом пахло луком и сырой землёй.

Трегубов приехал в семь. Привёз выписку из карты, список документов для пункта сбора и письмо гидрослужбы: та временно разрешала разворот автобуса при условии установки ограничительных столбиков. Столбиков не было.

— Завтра к семи поставят пластиковые, — сказал он.

— А если не поставят? — спросил Михаил.

— Я буду здесь в шесть сорок пять.

— Лично?

— Лично.

Роман взял письмо, прочитал и спросил:

— Почему нельзя было сразу нарисовать нормальную площадку?

— Потому что временную схему делали за сутки по имеющимся данным.

— У вас данные плохие.

— Да.

— И что?

— Исправлять.

— Кто будет?

Трегубов посмотрел на людей под навесом.

— Чтобы признать проживание, нужны заявления от каждого фактического адреса. Потом обследование домов. Оно может закончиться запретом эксплуатации.

Савина прижала ладони к фартуку.

— Нас выселят?

— Я не могу обещать обратное.

— А куда?

— Это будет решать жилищная комиссия.

— Она уже решила пять лет назад. Нам дали деньги за сарай, не за дом.

Голоса поднялись сразу. Кто-то говорил о налогах, кто-то о прописке у родственников, кто-то о ремонте за собственный счёт. Михаил слушал и впервые понимал, почему на карте осталось семь человек. Одни получили компенсацию и формально обязались уехать, но купить новое жильё не смогли. Другие вернулись в дома родителей. Третьи снимали комнаты без договора. Сделать их видимыми означало не только вернуть автобус, но и поднять все незаконченные решения после воды.

— Тихо, — сказала Лида.

Никто не услышал.

Она встала на ящик.

— Тихо!

Разговоры стихли.

— Сегодня мы не подаём заявления, — продолжила она. — Сегодня решаем, откуда дети выходят завтра. Потом собираем по каждому дому документы и понимаем риск. Не толпой в кабинет и не поодиночке, когда первый испугается.

— А кто будет понимать? — спросил Роман.

— Мы сами. Можно найти юриста.

— На какие деньги?

— Сначала узнаем цену.

Трегубов стоял у края навеса, мокрый по плечи. Он мог уйти, но остался.

— Я дам номера постановлений и копии решений, которые относятся к улице, — сказал он. — Без персональных данных. Больше в моей компетенции сейчас нет.

— И клуб откроете? — спросил Костя.

Взрослые обернулись к нему.

— Нет, — ответил Трегубов. — Пока здание не обследуют, не открою.

— Даже крыльцо?

— Даже крыльцо.

— Потому что схема?

— Потому что козырёк может упасть.

Костя посмотрел на клуб через дорогу. Сетка блестела под дождём.

— Тогда почему он раньше никого не волновал?

Трегубов ответил не сразу.

— Потому что раньше под ним никто не собирался каждое утро.

— Значит, если нас не видно, всё нормально?

Михаил ожидал, что чиновник начнёт объяснять. Тот только сказал:

— Нет. Значит, раньше мы не сделали свою работу.

Под навесом снова стало тихо.

Расписание на пятницу закрепили на двери сарая. Утром группу вели Алексей Грачёв и Ирина Борисовна. Чай готовила Савина. Фонари приносил семнадцатилетний Суворов. Трегубов отвечал за столбики у кармана. Михаил — за автобус и только за автобус. Последнюю приписку сделала Лида крупными буквами.

Он хотел возразить, но не стал.

Домой Михаил шёл с выпиской из карты под курткой. У своего адреса остановился. Дом был обозначен среди восьми условно пригодных. Значит, для города он существовал. Дом Лиды — нет. Дом Зои — пустовал по бумагам. Клуб был опасным строением. Тридцать семь адресов распадалась на разные виды отсутствия.

Михаил включил свет на кухне и разложил карту на столе. Потом достал школьный список, который Ирина Борисовна передала без лишних данных: имена детей и номера домов. Одиннадцать имён не помещались в семь официальных жителей.

Он взял карандаш и поставил точки там, откуда дети приходили на самом деле. Соединил их дорогами к клубу, к дому Савиных, к мостику. Получилась другая схема — неровная, густая, живая. По ней было видно не только куда едет автобус, но и сколько улица проходит до него.

Строго по первой схеме почти никого не было. По второй завтра нужно было вставать в половине шестого.

Глава 6. Дома, которых нет

В пятницу к без четверти семь у кармана стояли четыре оранжевых столбика. Трегубов расставлял их сам, сверяясь с листом в прозрачной папке. Дождь кончился ночью, гравий потемнел, и на нём хорошо были видны вчерашние следы колёс. Михаил остановил ПАЗ у первого столбика, вышел и прошёл будущий разворот пешком.

— Этот на полметра правее, — сказал он.

— По согласованию граница здесь.

— Тогда заднее колесо уйдёт в канаву.

Трегубов посмотрел на канаву, потом на лист.

— Покажите траекторию.

Михаил сел за руль. Трегубов отошёл к ограде и поднял ладонь. ПАЗ медленно описал дугу, остановился, сдал назад и оказался правым задним колесом у самого края. Михаил снова вышел.

— В сухую погоду пройдёт. На снегу стащит.

Трегубов переставил крайний столбик не вправо, а ближе к автобусу, оставив за ним свободный треугольник.

— Так?

Михаил повторил разворот. На этот раз хватило одного движения.

— Так.

— Я отмечу изменение на схеме.

— Сегодня?

— Сейчас. Сфотографирую с привязкой к ограде и отправлю гидрослужбе.

Он присел на корточки и сделал несколько снимков. Михаил заметил грязь на коленях его брюк. Вчера эта грязь показалась бы ему справедливой платой за кабинеты и карты. Сегодня он просто показал Трегубову кран у багажного отсека.

— Там вода. Отмойте, пока не засохло.

— Спасибо.

Со стороны мостика донеслись голоса. Сначала показались два фонаря, затем Алексей Грачёв в старой куртке дорожной службы. Он держал за руку Дашу, хотя обычно она шла сама. Ирина Борисовна замыкала группу и считала детей вслух. Все одиннадцать пришли вовремя.

Михаил открыл дверь. Костя, проходя мимо Трегубова, спросил:

— Вы теперь каждое утро будете столбики ставить?

— Нет. Сегодня проверяю первый раз.

— А если их украдут?

— Привезу другие.

— А если и другие?

— Костя, садись, — сказала Лида из-за его спины.

Она дошла только до мостика, хотя в расписании её имени не было. В руках у неё был свёрнутый лист ватмана.

— После рейса зайдёшь? — спросила она Михаила. — Мы сделали карточку на каждый дом.

— Кто «мы»?

— Я, Зоя Михайловна и Савина. Роман хотел помочь, но предложил сразу написать жалобу губернатору, поэтому мы отправили его искать бесплатного юриста.

Трегубов выпрямился у столбика.

— В карточках не пишите лишних персональных данных.

Лида посмотрела на него.

— А нужные — это какие?

— Фамилия собственника, основание проживания, состав семьи, состояние дома, полученная после наводнения помощь. Для образования — дети школьного возраста и фактический путь до места сбора. Для медицины — не диагноз, а потребность в доступе: регулярные визиты, необходимость выезда врача.

— Это вы сейчас помогаете нам стать видимыми или готовите список для выселения?

— Я говорю, какие сведения всё равно запросят разные отделы. Решение, собирать ли их, ваше.

— Удобно.

— Нет, — сказал Трегубов. — Неудобно. Но честно.

Михаил закрыл дверь автобуса. В зеркале Лида и Трегубов остались по разные стороны оранжевого столбика. Оба стояли прямо, будто отступить на полшага означало уступить не человеку, а его правде.

После утреннего рейса Михаил вернулся домой, переоделся и пришёл к Савиным. Под навесом больше не было кружек и термосов. На ящиках лежали школьные тетради в клетку, папка с файлами и тот самый ватман. Лида расчёртила его на тридцать семь прямоугольников и в каждом написала номер дома. Несколько номеров были с буквами, один повторялся дважды.

— Почему два двадцать вторых? — спросил Михаил.

— Один по старой нумерации, второй по новой. Почтальон различает их по цвету ворот.

— А город?

— Город одного из них не различает вообще.

Зоя Михайловна сидела у стены, положив больную ногу на перевёрнутое ведро. Перед ней лежала стопка маленьких листов.

— Мы не переписываем жителей, — сказала она. — Перепись люди боятся. Мы собираем сведения для себя.

— Разница какая?

— Большая. Перепись забирают. А это пока остаётся у нас.

Лида показала карточку. Вверху стоял адрес. Дальше шли короткие строки: кто живёт постоянно; на каком основании; кто собственник; есть ли дети; как добираются; нужна ли помощь врача; что случилось с домом после воды; какая выплата или жильё были получены; какие бумаги сохранились; согласен ли человек на официальный запрос.

Последняя строка была подчёркнута дважды.

— Без согласия никуда не несём, — сказала Лида. — Даже общий список.

— Тогда как докажем тридцать семь адресов?

— Сначала узнаем, есть ли их тридцать семь. Мы привыкли так говорить, потому что в тридцати семи домах горит свет. Но в одном живут сезонно, в другом две семьи, третий держат как мастерскую.

— Улица сама не знает, сколько её?

Зоя Михайловна поправила платок.

— Улица знает. Бумага не знает. Теперь мы пытаемся перевести с одного языка на другой.

Они разделили адреса. Лида брала верх улицы, Зоя — соседние дома, куда могла пойти без спуска. Михаилу достались нижний ряд и два дома у бывшей пекарни. Савина оставалась под навесом принимать тех, кто придёт сам.

— Почему я? — спросил Михаил.

— Потому что тебе открывают, — ответила Зоя.

— А потом скажут, что водитель собирал данные ради маршрута.

— Ты и собираешь ради маршрута.

— Не только.

— Тогда так и говори. Не обещай того, чего нет.

Первым был дом Савельевых — низкий, обшитый зелёным железом. После наводнения нижние доски заменили кирпичом, и дом выглядел так, будто стоял на чужом основании. Дверь открыл Антон Савельев, за его ногой прятался трёхлетний мальчик.

— Подписывать ничего не буду, — сказал Антон, увидев карточку.

— Пока нечего подписывать.

— Тогда зачем пришёл?

Михаил объяснил. Не быстро, потому что готовая фраза звучала бы как уговор. Антон слушал, придерживая дверь плечом.

— Собственник кто?

— Мать.

— Живёт где?

— У сестры в Белоярске. Дом отдала нам.

— Письменно?

— По-родственному.

— После воды что получили?

— Мать получила комнату в общежитии. Пятнадцать метров. Потом уехала к сестре.

Дом признали непригодным.

— Почему вернулись?

Антон посмотрел внутрь. На кухне звякнула чашка, заплакал ребёнок помладше.

— Потому что в комнате нас было пятеро. Здесь было куда кровать поставить.

— Ремонт кто делал?

— Я. Фундамент усилил, стену поднял, проводку заменил. Чеков не собирал. Какие чеки, когда воду откачиваешь?

— Обследование после ремонта было?

— Был сосед с уровнем.

— Официальное?

— Нет.

Михаил записал ответы карандашом. В строке «согласие на официальный запрос» поставил прочерк.

— Если комиссия придёт, нас сразу выгонят? — спросил Антон.

— Не знаю.

— Трегубов знает?

— Говорит, что может быть запрет.

— А дети куда?

— Не знаю.

— Хорошо собираете факты.

Антон уже хотел закрыть дверь, но мальчик выбрался из-за его ноги и показал Михаилу красную машинку без колеса.

— Автобус, — сказал он.

— Не автобус. Машина.

— Автобус.

Антон устало улыбнулся.

— Всё жёлтое у него автобус. Ладно, пиши, что живём постоянно. Но запрос пока не даю.

В доме номер семьдесят один жила Зоя Михайловна, однако по карточке Михаил туда не пошёл: она заполняла её сама. Следующим оказался дом Грачёвых. Алексей встретил его во дворе и сразу вынес пластиковую папку. Там были свидетельство о собственности, акт после наводнения, сметы, фотографии стен с линейкой и чеки на цемент пятилетней давности.

— Я для суда собирал, — сказал он. — Судиться не стал, а выбросить рука не поднялась.

— Почему не стал?

— Адвокат попросил сорок тысяч только за начало. Выплата была сто восемьдесят. Мы крышу перекрыли, котёл купили и вернулись.

— В акте что?

— Повреждение шестьдесят восемь процентов. Снос.

Михаил посмотрел на дом. Новая крыша блестела, водосток уходил в канаву, вдоль стены тянулся свежий бетонный пояс. На подоконнике стояли три горшка с геранью.

— Теперь пригодный?

— Я в нём пять зим прожил. Для меня пригодный. Для инженера — пусть инженер скажет. Только не тот, который из машины фотографирует.

Алексей согласился на запрос об обследовании, но написал рядом от руки: «при условии предоставления временного жилья на период запрета». Михаил не знал, имеет ли такая приписка силу. Зачёркивать не стал.

У бывшей пекарни дверь открыла Оксана Мухина. Она снимала две комнаты у женщины, жившей в краевом центре. Договора не было. Двое её детей учились в школе, старшая девочка каждое утро несла рюкзак младшего до мостика.

— Если хозяйке позвонят, она нас выставит, — сказала Оксана. — Ей проще закрыть дом, чем объяснять, почему сдаёт.

— Но школа знает ваш адрес.

— Школа знает, откуда дети приходят. В анкете прописка другая.

— Где?

— У моего отца в посёлке. Мы там не помещаемся.

— Автобус нужен?

— Ты сам видишь.

— Тогда как вас учитывать?

Оксана скрестила руки.

— Детей учитывайте. Меня не надо.

— Так не получится.

— Значит, никак.

За её спиной на верёвке сушились две школьные рубашки. На столе лежал раскрытый дневник. Михаил понял, что ещё один вопрос прозвучит не как сбор сведений, а как попытка поймать её на чужом доме.

— Я отмечу только, что по адресу постоянно живут двое школьников и взрослый, который пока не согласен на запрос.

— Хозяйке не звонить.

— Не буду.

— И Лиде скажи.

— Карточку увидят только те, кому ты разрешишь.

— Я тебе разрешила записать. Не им.

Михаил сложил лист в отдельный файл. К обеду у него было девять карточек. Только три семьи соглашались на официальный запрос. Две отказывались совсем. Четыре разрешали учесть сам факт проживания без фамилий и документов. В одном доме мужчина уверял, что живёт лишь летом, хотя у крыльца лежали зимние дрова и на верёвке висела школьная форма внучки. Михаил не стал спорить. Написал: «со слов жильца — сезонно».

В доме сорок три ему не открыли. За занавеской двигалась тень, во дворе лаяла собака, из трубы шёл дым. Он постучал второй раз и сказал через дверь:

— Это Михаил, водитель. Никакой комиссии со мной нет. Я оставлю пустую карточку в калитке.

Тень исчезла. Когда он отошёл к дороге, дверь приоткрылась и чья-то рука быстро забрала лист.

У старого тополя его догнала Лида. За плечом у неё висела сумка, набитая бумагами.

— Сколько?

— Девять. На запрос согласны трое.

— У меня одиннадцать и четверо согласны. Один дом пустой, там свет от соседского удлинитель для сарая.

— Значит, уже не тридцать семь.

— Не спеши. В доме двадцать шесть живут две семьи, одну мы не считали. А в тридцать первом поселилась сестра хозяйки после операции.

— Что с ней?

— Ходит с палочкой. Раз в неделю ездит на перевязку. Машина к дому не проходит, зять выносит её до верхней дороги на стуле.

— На стуле?

— Обычном кухонном. Они привязали к ножкам две рейки.

Михаил представил человека, которого несут по мокрой улице на кухонном стуле, и впервые увидел карту не только как путь одиннадцати детей.

— Она согласилась на запрос врачу?

— Боится, что её отправят в больницу и дом опечатают. Попросила сначала узнать, может ли фельдшер приходить без жилищной комиссии.

— Аня бы знала.

— Позвонишь?

Он помолчал. После отказа от краевого автопарка они с дочерью обменялись только двумя короткими сообщениями. Аня написала: «Поняла». Михаил ответил: «Не обижайся». Она не ответила.

— Позвоню вечером.

— Не как будто она справочная.

— Я знаю.

— Ты иногда знаешь позже, чем нужно.

Они пошли к дому Савиных. Навстречу спускался Роман Грицай, размахивая телефоном.

— Нашёл! — сказал он. — Юридическая приёмная при колледже. По субботам бесплатно.

— Студенты? — спросила Лида.

— Преподаватель и старшие курсы. Я описал случай, они готовы посмотреть решения и выплаты.

— Ты фамилии называл?

— Нет. Только улицу.

Лида остановилась.

— Роман, пока мы не решили, что выносим наружу, не называй даже улицу.

— Она на карте есть.

— Как раз в этом вся проблема.

— Они помочь хотят.

— Пусть помогут. Сначала принесём обезличенные копии.

Роман сунул телефон в карман.

— Вы так до весны карточки будете перекладывать.

— А ты хочешь сегодня вечером отдать чужие решения людям, которых впервые услышал по телефону?

— Я хочу, чтобы автобус ходил.

— Он ходит.

— Десять рабочих дней.

— Поэтому нам нельзя ошибиться в первые два.

Роман посмотрел на Михаила, ожидая поддержки.

— Без фамилий, — сказал Михаил. — Сначала спросим, какие бывают последствия. Потом каждый решит сам.

— Каждый сам — это значит, половина спрячется.

— Имеют право.

— А автобус нужен всем.

— Право на автобус не даёт нам права сдавать соседей.

Роман отвернулся и пошёл впереди. Он не спорил, но шагал так быстро, будто их осторожность уже отняла у него неделю.

Под навесом Савиных карточки разложили по трём стопкам: согласны на запрос; согласны только на обезличенный учёт; пока не согласны ни на что. Отдельно положили пустые карточки и те, где жильцов не застали. На ватмане Лида больше не закрашивала прямоугольники целиком. Ставила в каждом маленький знак карандашом: круг, половину круга или точку.

К четырём часам вернулись все. Выяснилось, что свет горит в тридцати пяти домах. В одном был только сарай, ещё один хозяева готовили к продаже и приезжали по выходным. Зато в четырёх домах жили по две семьи. Постоянных дворов получалось тридцать пять, семей — сорок. Школьников по-прежнему было одиннадцать, дошкольников — семеро. Пять человек нуждались в регулярном выезде к врачу, двое не могли самостоятельно дойти до верхней дороги.

Официальный запрос разрешали подать жители четырнадцати домов.

— Даже половины нет, — сказал Роман.

— Для первого дня много, — ответила Зоя Михайловна.

— Для маршрута мало.

— А сколько достаточно?

Никто не знал.

Савина принесла чай, хотя утром говорила, что больше не станет поить собрания за свой счёт. Михаил налил ей первой. Она удивилась, потом взяла кружку.

— У нас карточка какая? — спросила она.

— Половина круга, — сказала Лида. — Вы разрешили посчитать семью, но не запрашивать акт.

— Я передумала. Ставь полный.

Николай Савин, услышав из сарая, вышел под навес.

— Клава, мы это не обсуждали.

— Пять лет обсуждаем.

— Нам выплатили.

— За сарай.

— В бумаге написано — за утраченное имущество.

— Дом не утрачен. Вот он.

Николай положил ладонь на стену сарая, словно хотел удержать и его, и дом за ним.

— Если признают опасным, нас отсюда уберут.

— А если не признают, Костя каждый раз будет спрашивать, почему его нет.

— Костя не наш.

— Какая разница, чей ребёнок под нашим навесом?

Михаил отвернулся к ватману. Он не хотел становиться свидетелем семейного решения, но уйти означало оставить Савину одну перед всеми.

— Не ставь пока, — сказала она Лиде тише. — Дай до завтра.

Лида положила карандаш.

Вечером Михаил позвонил Ане. Она ответила не сразу. На заднем плане объявляли прибытие электрички.

— Ты на вокзале?

— После смены. Еду домой.

— Устала?

— Да. Что случилось?

Он едва не начал с женщины после операции и выездов фельдшера. Остановился.

— Я отказался от места и даже не спросил, сколько сил ты потратила, чтобы его найти.

В трубке шумел вокзал.

— Две недели, — сказала Аня. — Начальник автопарка — муж нашей старшей медсестры. Я три раза напоминала.

— Прости.

— Я не за напоминания обиделась.

— Знаю. Ты спросила, какую жизнь я выбрал, а я ответил про чужую улицу.

— Она не чужая.

— Не чужая. Но это всё равно не ответ.

— А сейчас есть?

Михаил посмотрел на карту, оставленную на кухонном столе. Рядом лежали его девять карточек в закрытом файле.

— Пока нет. Я понял только, что не хочу уехать так, будто за мной сразу всё рухнет. И не хочу остаться, чтобы без меня ничего не могло работать.

— Уже лучше.

По громкой связи объявили её поезд.

— Ань, мне ещё нужно спросить по работе. На улице женщина после операции. До машины её несут на стуле. Можно ли попросить выезд фельдшера так, чтобы к ней не пришла сразу жилищная комиссия?

— Медицинский вызов не запускает проверку жилья автоматически. Но адрес попадёт в карту вызова. Если условия угрожают пациентке, медики обязаны это отметить.

— Значит, гарантии нет.

— Гарантии, что никто ничего не узнает, нет. А гарантия помощи должна быть. Пусть звонит в поликлинику сама или с родственником. Не ты за неё.

— Почему?

— Потому что согласие. И потому что ты водитель, пап.

Он усмехнулся.

— Сегодня мне это сказали уже в расписании.

— Хорошее расписание.

— Ты ещё сердисься?

— Да. Но поезд от этого не остановится. Позвони в воскресенье, когда не будешь между двумя чужими делами.

— Позвоню.

После разговора Михаил переписал для Лиды точный ответ Ани, не упоминая имени пациентки. Потом достал свою домашнюю карточку. Собственник — Михаил Руднев. Проживает постоянно. Дом признан условно пригодным после ремонта. Выплату на восстановление получил. Документы сохранились. Согласие на официальный запрос — да.

Он дошёл до строки «причина возвращения» и долго не писал. Можно было ответить: дом уцелел. Можно: не хотел начинать заново. Можно: здесь болела и умерла жена, и после её смерти он не смог разобрать шкаф, перевезти посуду, отдать соседям скамью из сада. Ни одна причина не предназначалась для отдела жилищного учёта.

Он написал: «единственное жильё в собственности».

Это было правдой. Только не всей.

Утром карточку он принёс под навес первым. Там уже лежал лист из дома сорок три, сложенный вчетверо. Фамилии не было. Жилец указал двух взрослых, отказ от прежней выплаты, собственный ремонт и одну фразу на обороте: «Сначала письменно скажите, куда нас переселят, если запретят жить».

Лида прочла и положила лист в стопку тех, кто пока не согласен на запрос.

— Но они ответили, — сказал Михаил.

— Ответили нам. Не городу.

Она поставила на ватмане ещё одну половину круга. Карта стала гуще, но не яснее. Теперь на ней были не только дома, дети и дороги. На ней появились границы, за которые соседи не разрешали заходить даже ради общего автобуса.

Михаил посмотрел на тридцать семь прямоугольников. Два из них оказались нежилыми, зато за некоторыми скрывалось больше одной семьи. Четырнадцать были готовы заговорить официально. Остальные существовали пока только для тех, кто приносил им хлеб, забирал детей, вызывал врача и знал, в каком окне вечером зажигается свет.

Этого было недостаточно для решения комиссии.

Но впервые недостаток можно было посчитать.

Глава 7. Дочь зовёт вниз

В воскресенье Михаил проснулся от звука чужой машины у калитки. Было без десяти восемь. По выходным на Старой улице в это время приезжали только родственники с пустыми канистрами или продавец баллонного газа, но у ворот стояла синяя Анина машина. Дочь захлопнула дверь, достала с заднего сиденья картонную коробку и посмотрела на дом так, будто увидела его после долгого отсутствия.

Михаил вышел на крыльцо в свитере.

— Ты говорила позвонить.

— Я и приехала, чтобы ты не позвонил между двумя делами.

— Могла предупредить.

— Тогда бы ты приготовился.

— А так чай холодный.

— Чай можно нагреть.

Она прошла мимо него в дом. В коробке оказались две банки краски, рулон малярной ленты, новые ручки для кухонных шкафов и папка.

— Ремонт? — спросил Михаил.

— Подготовка к продаже.

Он поставил чайник. Аня сняла куртку и сразу открыла верхний шкафчик. Старая ручка осталась у неё в пальцах.

— Вот видишь.

— Я её подкручивал.

— Она отвалилась.

— Потому что ты дёрнула.

— Покупатель тоже дёрнет.

Михаил взял ручку, нашёл на подоконнике отвёртку и ввернул шуруп обратно. Дерево вокруг отверстия раскрошилось. Ручка повисла косо.

— Можно спичку вставить, — сказал он.

— Можно поменять все восемь и перестать чинить дом спичками.

Чайник зашумел. Аня положила папку на стол, но не открыла.

— Ты сама красить собралась?

— Вместе. Сегодня потолок в кухне и откосы. На следующей неделе приедет оценщик.

— Какой оценщик?

— Нормальный. Не городской. Из агентства.

— Ты вызвала оценщика в мой дом?

— Пока спросила, когда может.

— Отмени.

— Сначала послушай.

Михаил налил чай. Свою кружку поставил возле карты, которую так и не убрал со стола. Карточки жителей лежали в закрытой папке в шкафу. Аня заметила ватманную копию с карандашными значками, но ничего не спросила.

— В автопарке освободится ещё одно место, — сказала она. — Не то, которое ты отказался взять. Другое. Развозка сотрудников больницы и два школьных рейса по пригороду. Машина новая, график до пяти, выходные плавающие. Зарплата больше твоей на двенадцать тысяч.

— Когда?

— Через три недели.

— И ты опять просила?

— Нет. Мне позвонили сами, потому что помнят твою фамилию. Я сказала, что спрошу.

— Ты уже спрашивала.

— Тогда ты ответил про десять рабочих дней. Теперь один прошёл.

Михаил посмотрел в окно. За стеклом медленно поднимался дым из дома Грачёвых. На дороге никого не было.

— Мост за три недели не починят.

— Я не про мост.

— А про что?

— Про тебя. Тебе сорок семь. Ты встаёшь в пять, зимой латаешь этот дом, летом чистишь канаву, после рейса решаешь, кто поставит термос под каким навесом. Ты говоришь, что не хочешь быть единственным человеком, без которого улица развалится, и тут же отказываешься уехать, потому что без тебя улица развалится.

— Я не поэтому отказался.

— А почему?

Он мог перечислить детей. Сказать про одиннадцать имён, мостик, журналы, столбики и карту. Всё это было бы правдой и всё это Аня уже знала частями. Но она спрашивала не о причине остаться ещё на день. Она спрашивала, почему он выбирает здесь следующие годы.

— Я ещё не решил продавать дом.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Аня открыла папку. Внутри лежали распечатки объявлений о двухкомнатных квартирах в краевом центре. Не новые дома и не дорогие районы: первый этаж возле трамвайного кольца, пятый без лифта, бывшее общежитие с отдельной кухней. На каждом листе она карандашом написала расстояние до автопарка и до своей квартиры.

— Если продать дом хотя бы за ту сумму, которую назвал агент, и добавить твои накопления, хватит на первый взнос. Платёж получится примерно как две твоих заправки и ремонт крыши в месяц.

— Дом агент видел?

— Фотографии.

— После воды?

— Я сказала.

— Что именно?

— Что улица была в зоне подтопления, дом признан условно пригодным после ремонта, документы есть.

— Про мост сказала?

Аня отвела взгляд к окну.

— Мост временно закрыт.

— Про то, что официально здесь живут семь человек?

— Это к дому не относится.

— Теперь относится.

— Почему?

Михаил взял кружку, хотя чай был слишком горячим.

— Потому что город может снова обследовать все дома.

— С чего вдруг?

— Жители хотят подтвердить, что здесь живут.

— Чтобы автобус вернули?

— Не только. Чтобы врач приезжал. Чтобы зимой чистили. Чтобы пункт сбора был законный.

— И что будет с твоим домом?

- Не знаю.
- Его могут признать непригодным?
- Он уже условно пригодный.
- Могут запретить жить?
- Теоретически.

Аня закрыла папку с объявлениями.

- Когда ты собирался мне сказать?
- Когда будет что сказать.
- То есть после комиссии?
- Комиссии пока нет.
- После того как дом станет нельзя продать?

— Я не собираюсь скрывать от покупателя состояние дома.

— Я не об этом. Ты отказался от работы, теперь собираешься участвовать в проверке, которая может обесценить единственное жильё, и называешь это «пока нечего сказать».

- Проверка нужна людям.
- А тебе?
- Я тоже здесь живу.
- Именно.

Она встала и подошла к окну. Когда-то у окна стоял маленький стол, за которым она делала уроки. После наводнения стол разбух и не прошёл в дверь; Михаил распилил его во дворе. Аня тогда уже училась в колледже и приехала на три дня разбирать дом. На четвёртый день вернулась на практику, а он остался сушить стены.

— Ты заполнил карточку на себя? — спросила она.

Михаил не ответил.

- Значит, да. И согласился на запрос.
- Дом ремонтировали официально. Мне нечего скрывать.
- Кроме того, что ты можешь потерять его стоимость.
- Стоимость не пропадает от правды.
- Ещё как пропадает. Банк не даст ипотеку покупателю, если здесь спорный статус.

Агент откажется. Останутся люди с наличными, которые предложат половину.

— Ты говоришь как риелтор.

— Я говорю как дочь, которая не хочет через пять лет поселить отца у себя на кухне, потому что он отдал дому цену ради общей справедливости.

Слова были жёсткими, но в них не было угрозы. Аня не боялась, что он действительно поселится у неё на кухне. Она боялась, что он никогда не попросит, даже если останется без дома.

Михаил выключил чайник из розетки, хотя тот давно молчал.

- Я не отдаю дом.
- Ты ставишь его в общий спор.
- Он и так в нём. Пять лет.
- Тогда почему мы не можем хотя бы узнать цену сейчас?
- Потому что оценщик приедет, увидит закрытый мост, сетку на клубе, детей у сарая и напишет цену не дому, а испугу.

— Через месяц будет лучше?

- Не знаю.
- Через год?
- Не знаю.

Аня взяла одну из новых ручек и покрутила её в ладони.

— Вот твой ответ на всё. Не знаю, поэтому остаюсь.

— А у тебя ответ на всё — продать.

— Нет. Мой ответ — узнать, какие у тебя есть варианты, пока они есть.

Она положила ручку на стол и пошла в коридор. Михаил решил, что дочь уезжает. Вместо куртки она достала из коробки старую рубашку, надела поверх свитера и открыла банку краски.

— Что ты делаешь?

— Потолок. Оценщика отменю, если скажешь. Но жёлтое пятно над плитой от этого не станет белым.

— Это не от воды. Вытяжка плохо тянет.

— Тем более.

Они вынесли стол в комнату, накрыли плиту газетами и заклеили шкафы. Михаил снял плафон. Внутри лежали три мёртвые мухи и слой пыли. Аня молча протянула ему тряпку.

Красили с разных концов кухни. Валик шуршал по потолку. Первые десять минут они не разговаривали. Потом Аня спросила:

— Сколько семей согласились на проверку?

— Четырнадцать домов. Семей там больше.

— Из тридцати семи?

— Из тридцати пяти постоянно жилых. Мы неправильно считали. Семей сорок.

Она остановила валик.

— Ты сказал, официально семь человек. А на самом деле сорок семей?

— Да.

— Сколько детей?

— Одиннадцать школьников, семеро маленьких.

— И всё это ты мне не говорил, потому что «нечего сказать»?

— Я говорил про детей.

— Про одиннадцать. Не про людей, которые боятся назвать адрес.

Михаил провёл валиком вдоль стены. Краска легла слишком густо и собралась каплей.

— Если бы рассказал, ты бы сказала, что я опять взял на себя чужое.

— Возможно. Но я хотя бы понимала бы, почему ты отказался от работы.

— Я сам тогда не понимал всего.

— А сейчас?

— Сейчас понимаю, что автобус — самое простое. Он либо проходит, либо нет. А дом может стоять, в нём могут жить, топить печь, растить детей, и всё равно в одной бумаге его нет, а в другой он опасный. Люди должны решить, хотят ли они, чтобы их увидели, когда цена этого взгляда неизвестна.

— И ты помогаешь им решить?

— Нет. Мы собираем, что уже есть. Решают сами.

— «Мы» — это кто?

— Лида, Зоя Михайловна, Роман, Савины. Ещё люди.

— И без тебя могут?

Он хотел ответить сразу, но посмотрел на потолок. Половина была белой, половина жёлтой. Граница шла криво.

— Вчера обходили без меня три четверти улицы.

— Это не ответ.

— Могут.

— Тогда почему ты не можешь уехать?

— Потому что мочь без меня и бросить на середине — разные вещи.

Аня снова покатила валик.

— Три недели — не сегодня. Можно передать дела.

— Автобус кому передать? Виктор Петрович поставит другого водителя, и тот поедет по схеме.

— А жители?

— Не знаю.

— Опять.

— Потому что это их ответ, не мой.

Когда первый слой был закончен, Аня открыла окно. В кухню вошёл холодный воздух. На дороге появилась Зоя Михайловна. Она шла медленно, опираясь на палку, и несла в другой руке пакет.

— Михаил! — позвала она от калитки. — Ты дома?

Он вышел. Зоя протянула пакет с карточками.

— Лида просила до завтра сохранить у тебя. У Савиных Николай боится, что кто-нибудь возьмёт без спроса.

— Почему у меня безопаснее?

— У тебя шкаф с замком.

— Откуда вы знаете?

— Твоя мать там деньги на уголь держала.

Аня стояла в дверях в старой рубашке, с белой полосой на щеке. Зоя её узнала.

— Анечка? Приехала всё-таки.

— Здравствуйте, Зоя Михайловна.

— Отца забирать?

— Пытаюсь.

— Правильно.

Михаил посмотрел на соседку.

— Вот так сразу?

— А что? Думаешь, мы не видим, как ты здесь привязан? Человек должен жить не только там, где без него трудно.

Аня скрестила руки.

— Запишите ему это в расписание.

Зоя улыбнулась.

— Мы уже написали: Михаил отвечает только за автобус.

Она повернулась, чтобы уйти, но Аня спросила:

— А если он уедет через три недели?

Зоя не удивилась.

— Значит, будет другой водитель.

— И всё?

— А что должно быть? Мы его дом к земле не привязывали.

— Папа думает, что не может бросить дела на середине.

Зоя переставила палку ниже по склону.

— На этой улице середины на всех хватит. Пять лет живём между началом и концом. Если Михаил хочет уехать, пусть скажет срок и отдаст всё, что держит у себя. Если не хочет, пусть не прикрывается нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.